

**Международная академия методологии
государственного управления**
МОО

**Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости»**
МОО

Григорьев Н.К.

**Марксизм:
теория и практика.
Выпуск третий –
Товарищество
материалистов-диалектиков**

Том 75(117)

Москва
Февраль 2009 г. - август 2018 г.

Научное издание
Международный межведомственный научный сборник
Том 75(117)

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации: серия КВ № 6

ББК 67.9 (4 УКР) 470
УДК 343.37 (89)

Рекомендовано к печати Экспертным Советом Международной академии методологии государственного управления 02 августа 2018 г., протокол № 1

Научный редактор: Цымбалист Ю.И.
Редактор: Данилов В.А.

Марксизм: теория и практика. Выпуск третий
– Товарищество материалистов-диалектиков.
Григорьев Н.К. / Гл. ред. Комарова А.И. Том 75
(117). М., 2018.

ISBN978-5-91578-013-73

Для сотрудников государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, политиков, ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей высших и других образовательных учреждений, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания человеческого общества-общества социальной справедливости в России и в Мире.

©Международная академия
методологии государственного управления, 2018.
©Международное общественное движение «Созидание
общества социальной справедливости», 2018.
©Григорьев Н.К., 2018.

Настоящий Том 75(117) – это очередной выпуск 117 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Основной из принципов нашей активности: «Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут результатом действий государственно-управленческих, политических, научных ...элит, миллионов народных масс».

А.Комарова

Григорьев Николай Константинович – философ, социолог, психолог, исследователь теории и практики марксизма

Историческая практика свидетельствует: в коммунистическом движении субъективизм занимает такое же место, как и во вне коммунистических движениях.

Это свидетельствует о том, что хотя материалистическая диалектика и декларируется как основа, как фундамент коммунистического мировоззрения и идеологии, все же в умах конкретных участников движения она не стала доминирующим фактором, а мирно уживается с неадекватным мышлением, создавая тем самым специфическую форму эклектики: с одной стороны, человек вроде и не отрицает материалистической диалектики, с другой стороны - она не стала инструментом его мышления. Для многих диалектика - абстрактная, книжная наука, а не живое движение последовательно объективной мысли.

Все это вместе взятое имеет прямое отношение к причинам кризиса коммунистического движения, и если мы хотим сделать серьезный объективный анализ субъективизма. С позиций субъективизма объективный анализ причин кризиса просто невозможен, а значит - невозможен и поиск путей выхода из этого кризиса. На фундаменте субъективизма невозможно строить здание общества будущего.

**Марксизм: теория и практика.
Выпуск третий –
Товарищество материалистов-
диалектиков**

Бюллетень №3

февраль 2009 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Статьи

Бурдюгов В.В. Коммунисты и собственность. (Раздел из «Манифеста реального коммунизма»)

Григорьев Н.К. О материалистической диалектике

Радичук Н.М. Проблема генезиса: что из чего

Старовер А. Тезисы о революции, диктатуре пролетариата и праве наций на самоопределение.

Дискуссионная трибуна

Григорьев Н.К. О статье Хребта В.В. Истоки коммунистического кретинизма

Из других изданий

Из книги Суименко Е.И. «Капитализм в нашем доме»

Лестер Джереми. Прекариат: отверженные как новый революционный класс

Информационный отдел

**"Зри в корень".
Козьма Прутков.**

«...по большому счету, речь не может и не должна идти о дальнейшем развитии марксизма. Правомерно говорить о развитии, движении общественной науки, содержащейся в учении Маркса, его сторонников и последователей, к новому знанию, заключающемуся не только в отражении новых исторических реалий, но и о новом, генерализированном системно-категориальном способе их постижения».

Суименко Е.И. "Капитализм в нашем доме"

«...ничего хорошего нас не ждет, если мы честно не осмыслим ближайшее прошлое - оно выстрелит нам в спину из пушки».

Кара-Мурза С.Г. «Опять вопросы вождям».

Обращение к нашим читателям

Товарищество материалистов-диалектиков, которое только формируется, сталкивается с той болезнью, которой была больна КПСС с начала ее основания.

Признаки этой болезни:

- нетерпимость к инакомыслию, навешивание ярлыков на инакомыслящих и их преследование вплоть до физического уничтожения, когда партия стала правящей;
- недостаточный уровень духовной культуры;
- неумение вести товарищескую полемику, неумение выслушивать критику;
- боязнь критиковать партийных руководителей и партию;
- неумение преодолевать сложившийся стереотип, даже если обнаруживается его ошибочность;
- неумение отличать истину от заблуждения, ошибки, иллюзии;
- отсутствие воли искать дорогу к истине;
- неумение пользоваться законами и категориями материалистической диалектики, как инструментами своего мышления;
- недостаточный уровень культуры мышления, который выражается в нарушении требований формальной логики, не говоря уже о логике диалектической;
- склонность к догматизации;
- цитатничество, когда за высказываниями основоположников марксизма и партийных лидеров, сделанных 100 - 150 лет назад, прячется неумение мыслить самостоятельно;
- стереотип установки на борьбу с ревизионистами, создающий благоприятную обстановку для догматизации теории марксизмом;
- комчанство, с которым еще В. Ленин призывал бороться, но которое благополучно существует и по сей день;
- конформизм, сковывающий личность, запрещающий думать иначе, чем это предписано сверху;
- нарушения на разных уровнях коллегиальности - основного принципа коммунистического движения.

Все это - язвы и язвочки на теле бывшей КПСС, коммунистического движения, являются проявлением болезни; они остались в душах многих бывших партийцев, а ныне беспартийных, тех, что разбрелись по разным партиям. Имя этой болезни - субъективизм.

Для буржуазных, националистических, религиозных течений субъективизм естествен, поскольку имеет питательную почву - эклектичность психики и мышления, когда идеи, имеющие противоположные ценности, воспринимаются как равноценные.

Материалистическая диалектика исключает субъективизм, требует последовательного объективного, адекватного мышления.

Историческая практика свидетельствует: в коммунистическом движении субъективизм занимает такое же место, как и во вне коммунистических движениях.

Это свидетельствует о том, что хотя материалистическая диалектика и декларируется как основа, как фундамент коммунистического мировоззрения и идеологии, все же в умах конкретных участников движения она не стала доминирующим фактором, а мирно уживается с неадекватным мышлением, создавая тем самым специфическую форму эклектики: с одной стороны человек вроде и не отрицает материалистической диалектики, с другой стороны - она не стала инструментом его мышления. Для многих диалектика - абстрактная, книжная наука, а не живое движение последовательно объективной мысли.

Все это вместе взятое имеет прямое отношение к причинам кризиса комдвижения, и если мы хотим сделать серьезный объективный анализ причин этого кризиса, мы должны избавиться от вышеназванных симптомов субъективизма. С позиций субъективизма объективный анализ причин кризиса просто невозможен, а значит - невозможен и поиск путей выхода из этого кризиса. На фундаменте субъективизма невозможно строить здание общества будущего.

Несколько примеров из жизни Товарищества. Товарищ пишет, что поддерживает цели и задачи Товарищества и при этом добавляет - «но мы с вами - два берега у одной реки». Эта позиция вполне соответствует взглядам, которые усиленно навязываются людям буржуазными СМИ: мол, каждый человек имеет свое мнение. Это - иллюзия объективности. Мнений может быть миллион, но при этом истина может быть только одна. Такая позиция противоречит формальной логике, утверждающей: если по отношению одного и того же объекта высказываются противоположные суждения, они не могут быть оба верными, одно из них - ложно. Защитник интересов трудящихся значит - материалист-диалектик, человек, испытывающий потребность в истине, должен стремиться к тому, чтобы в товарищеской дискуссии выяснить - кто прав, а кто - ошибается. Уметь прислушаться к аргументам оппонента, и признать их, если они того заслуживают. Он должен контролировать свое мышление, спрашивая себя: прав ли я? Не ошибаюсь ли я? Той ли я иду дорогой, которая ведет к истине? К. Маркс руководствовался девизом: «подвергай все сомнению».

Второй товарищ заявляет, что не может сотрудничать с Товариществом, потому что у Товарищества и у него - разные позиции. Похоже, за этим стоит стереотип: прав только я. Все, что противоречит моему мнению - ошибочно. Теория марксизма - священна и неприкосновенна, как Библия для верующего. Это ситуация, когда теория марксизма, вместо того, чтобы быть руководством к действию, как того требовал В. Ленин, превращается в объект религиозного поклонения.

Третий товарищ ушел в молчание. Он не может позволить себе контакт с инакомыслящими, чтоб, чего гляди, не замараться. Это - типичное комчванство, снобизм с претензией на прогрессивность. И т.п.

Если будем стоять на таких позициях, трудящиеся никогда не получат партии, способной эффективно защищать их интересы.

Все мы в большей или меньшей мере субъективисты - больны детской болезнью человечества. Товарищество материалистов-диалектиков обращается ко всем, кто считает себя защитником интересов трудящихся, ко всем сторонникам левых взглядов: перестанем снова и снова наступать на старые грабли и получать все новые и новые синяки и шишки;

давайте вместе, совершая революционные перевороты в своих душах, выйдем на дорогу последовательного объективного мышления и сообщая будем преодолевать препятствия субъективизма, стоящие на пути движения трудящихся. Вместе анализировать причины кризиса комдвижения. Вместе искать пути выхода из этого кризиса. Вместе станем старателями - добытчиками золотых зерен истины, без которых нет и быть не может исторического прогресса.

Мы хорошо понимаем: реализация этих призывов - дело архитрудное, но оно крайне необходимо. И зависит от каждого из нас.

И еще одна проблема. Бюллетень Товарищества задумывался как дискуссионная трибуна для подготовки ряда документов (их проекты опубликованы в №1 и 2 бюллетеня). Первый документ - причины кризиса в комдвижении. К сожалению, ни диалога, ни дискуссии пока не получается. Материалы, поступающие в редакцию бюллетеня, выражают мнения авторов по вопросам истории, политики, экономики, политэкономии, будущего социализма. Все это, безусловно, представляет

определенный интерес, но выходит за рамки задач, стоящих перед Товариществом, превращает дискуссионную трибуну в обычное информационное издание. На этом основании некоторым товарищам приходится отказывать, что вызывает обиды. Похоже, еще не все товарищи прониклись целями и задачами, стоящими перед Товариществом. На страницах первых номеров бюллетеня опубликованы статьи, требующие обсуждения. Убедительная просьба к членам Товарищества и нашим читателям - активно включиться в процесс обсуждения причин кризиса комдвижения, выходя за рамки истории КПСС, России, СССР. Рассмотрев эту проблему, мы сможем продуктивно двигаться дальше.

Мы хорошо понимаем: реализация этих призывов - дело архитрудное, но оно крайне необходимо и зависит от каждого из нас.

Редколлегия

Коммунисты и собственность (раздел «Манифеста реального коммунизма»)

*Бурдюгов Владимир Викторович,
главный редактор журнала «Коммунист»,
Москва*

Именно этот раздел определяет суть расхождений во взглядах на будущее, на подходы к решению проблем.

Именно этот подход лег основу Манифеста реального коммунизма.

Постарайтесь понять, почему именно этот подход и есть марксистско-ленинский, коммунистический. И почему сегодняшняя «тупизация» марксизма, еще и выдаваемая за «ортодоксальный марксизм», неприемлема. Так же, как неприемлема и его модернизация на социал-демократический лад.

На протяжении многих десятилетий русские переводы «Манифеста коммунистической партии», написанного К.Марксом и Ф.Энгельсом в 1848 году, убеждали российских читателей, что ключевой фразой «Манифеста» является фраза:

«В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Слова «В этом смысле» уже никого не настораживали при категоричном выводе: «уничтожение частной собственности» является главным условием реализации социалистических преобразований.

Все, кто изучал или просто читал «Манифест» по советским изданиям, могут быть уверены - они читали только фальсифицированный, приспособленный для пропаганды определенных политических задач, текст. На плохой перевод произведений Маркса указывал еще Владимир Ильич Ленин. Так что вольная или невольная фальсификация Маркса каким-то советским изобретением не является. В тексте оригинала «Манифеста», путем изменения значения всего одного слова при переводе, изменена концепция всего документа.

При написании «Манифеста» его создатели в этом разделе вообще не употребляли слова «уничтожить». В русском же переводе слово «уничтожить» многократно и целенаправленно внедряется в сознание читателя. Фраза русского текста «Манифеста» - «В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» - в оригинале звучит совсем по-другому: «В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: отмена частной собственности».

Эта подмена понятий говорит о многом, но приверженцам уничтожения частной собственности оставляет шанс утверждать, что по сути ничего не меняется. Что «уничтожить», что «отменить», не такая уж большая разница. Главное, что авторы, будто бы утверждают, что частной собственности в новом обществе не должно быть. Ничего подобного авторы «Манифеста» не имели в виду.

Напомним, что при упоминании слова «собственность» часто имеют в виду два совершенно разных понятия. Одно понятие, наиболее часто используемое, подразумевает не саму собственность (как имущество), а «отношения собственности». Понятие «отношения собственности» это отношения людей или коллективов людей (частные или общественные) по поводу собственности. Понятие «собственность» подразумевает, что у того или иного предмета, продукта, идеи и т.д. есть свой владелец, который может делать с этой собственностью все, что пожелает. В том числе продать, подарить, уничтожить или использовать во благо развития человечества.

Вспомним, с чего начинается ключевая фраза: «В этом смысле»... Так какой же смысл закладывали в эту фразу К.Маркс и Ф.Энгельс? Для того чтобы этот смысл увидеть, нужно просто внимательно прочитать несколько предыдущих фраз «Манифеста». Например: «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими».

Здесь нужно обратить внимание, что авторы «Манифеста» в последней фразе вообще ушли от употребления словосочетания «частная собственность». И, конечно, это не случайно. Маркс и Энгельс говорят именно о буржуазной собственности, т.е. о собственности, с помощью которой создается капитал за счет эксплуатации наемных работников (а если смотреть глубже, то и покупателей произведенного товара). А такую роль может выполнять не только частная форма собственности, но, при определенных условиях, и любая другая форма собственности.

На момент написания «Манифеста», именно частная форма собственности на 90%, как это прямо указывается в «Манифесте», превратилась в буржуазную частную собственность, являющуюся источником создания капитала за счет эксплуатации.

Для бурно развивающегося в середине 19 века капитализма, когда стало очевидно, что частную форму собственности проще всего использовать для создания капитала и быстрого становления класса буржуазии, такое отношение к частной собственности было вполне логичным. Именно эту форму собственности и стали считать главной причиной существования эксплуатации человека человеком.

Если учесть, что почти вся тогдашняя буржуазия выросла из владельцев частной собственности и сумела легко трансформировать ее в буржуазную частную собственность, превратив частную собственность в источник эксплуатации наемных работников, то легко

понять, что К. Маркс и Ф. Энгельс уделили максимальное внимание рассмотрению именно этой формы собственности как источника формирования буржуазии. Другие формы собственности в 19 веке играли менее заметную роль в бурном развитии класса капиталистов.

Рассмотрению роли других форм собственности (коллективной, государственной и т.д.) в формировании капиталистического уклада фактически не придавалось должного значения.

На том историческом этапе это ненамного отходило от реальной картины становления капиталистической экономики.

Таким образом, сказанное в «Манифесте» дает ясное представление о том, что К.Маркс и Ф.Энгельс не выступали против определенного вида собственности. Они призвали к борьбе против буржуазных отношений собственности. Тогда, во времена написания «Манифеста», ключевыми «отношениями собственности» были

отношения по поводу буржуазной частной собственности, против существования которой и выступали авторы «Манифеста». Употребляя словосочетания «буржуазная частная собственность» или просто «частная собственность», К.Маркс и Ф.Энгельс рассматривали ее как общественные отношения по поводу этой формы собственности и сделали вывод о недопустимости сохранения в обществе отношений собственности, дающих возможность эксплуатации человека человеком. И в этом смысле они были совершенно правы, говоря о недопустимости сохранения таких отношений собственности.

Но авторы «Манифеста» не говорили, ни о запрете, ни об уничтожении, ни о ликвидации, ни об отмене какой-либо формы собственности как физической сущности. Авторы коммунистической идеи ясно представляли необходимость изменения человеческих отношений, в том числе и в отношениях по поводу возможности присвоения капитала за счет эксплуатации работников.

Следующие поколения философов постарались перевести выводы, сделанные для философского понятия «отношения собственности», которое включает в себя вовсе не только частную собственность, в вывод, который должен был подвести каждого к признанию невозможности физического существования частной собственности на средства производства при социализме и тем более при коммунизме.

Жизнь показала, что это был принципиально неверный вывод, который, на самом деле уводил поколения коммунистов от основной борьбы - борьбы за ликвидацию эксплуатации человека человеком. Борьба против эксплуатации подменялась борьбой против физической сущности частной формы собственности.

Неумение, а порой и нежелание организовать экономические процессы так, чтобы исключить возможность эксплуатации, способствовали тому, что государства, утверждавшие, что они идут по пути строительства социализма, боролись с частной формой собственности, а не с буржуазными отношениями собственности. Это стало одной из причин недовольства населения происходившим.

В то же время, управленческая бюрократия осознала, что и те формы «социалистической собственности», которые существовали в социалистическом лагере, можно отлично приспособить для собственной выгоды, т.е. для эксплуатации. Социалистическая система не давала возможности реализовать эту выгоду в полной мере, но уже тогда бюрократии стало ясно, что дело вовсе не в форме собственности, а в том, как организовано функционирование процесса использования этой собственности.

«Социалистическая бюрократия», паразитируя на государственной собственности, получала доход в виде взяток от несправедливого распределения общественных благ (квартир, дач, товаров и т.д.) и таким образом эксплуатировала население. Позднее она стала контролировать, во многом ею же созданную, теневую экономику, паразитировавшую на государственных ресурсах.

Сегодня мировая экономика использует в интересах развития капиталистического уклада не только частную, но и другие формы собственности, такие как коллективная,

общественная, кооперативная, государственная, да и любые иные, имеющие возможность создавать капитал, а, следовательно, эксплуатировать человека.

В XX столетии, особенно после кризиса, получившего название «Великая депрессия», капиталистические государства стали активно использовать в интересах буржуазии не только буржуазную частную собственность (апробированный источник эксплуатации), но и такие формы собственности, которые, казалось бы (в понимании советских экономистов), присущи только социалистическому обществу: коллективную, государственную и т.д. В противовес существовавшим тогда социалистическим экономикам, реально основанным на государственной форме собственности, хотя формально ей приписывался статус общественной (общенародной) собственности, страны капитала с успехом использовали эти формы собственности для развития своих буржуазных экономик. Капиталисты быстро поняли то, что до сих пор не могут понять наши экономисты: и социалисты, и коммунисты.

Что же они для себя открыли, и что до сих пор не могут понять наши товарищи?

Буржуазные экономисты прекрасно поняли, что вид собственности вовсе не обязательно определяет форму общественного строя. На чье благо работают те или иные формы собственности зависит от того, в чьих руках, в руках какого класса, реально находится власть.

Если власть находится в руках буржуазии, то любая существующая форма собственности используется для того, чтобы эксплуатировать наемных работников. Причем для спасения буржуазного строя во время экономических кризисов, буржуазные власти все чаще стали пользоваться государственной формой собственности.

Именно проведенные по инициативе Ф.Рузвельта государственные вливания спасли Америку во времена «Великой депрессии». Похожая ситуация складывалась и при послевоенном восстановлении экономики ФРГ. Автор немецкого «экономического чуда» буржуазный экономист Людвиг Эрхард, с его реформами 1948-50 гг., безусловный либерал, тем не менее, предпочел, в период восстановления экономики ФРГ, говорить о «капитализме с человеческим лицом».

Контроль над ценами основных продуктов питания был снят лишь в 1958 г., когда была восстановлена конвертируемость марки. Транспортные и почтовые тарифы повысились только в 1966 г., после снятия дотаций отраслям средств связи, но с переводом соответствующих социальных выплат на бюджет Министерства труда.

Довольно долго сохранялись государственные дотации для поддержания цен на уголь, чугун, сталь, электроэнергию, газ.

За десять лет, к 1957 году, производство в Германии выросло на 130%, количество выпускаемой продукции увеличилось более чем в два раза.

В развитых капиталистических экономиках государственная собственность сегодня составляет от 10% до 40%. И это ничуть не приближает страны с такой экономикой к социализму. Государственная собственность выступает в них таким же проводником эксплуатации, как и буржуазная частная собственность.

На Западе одно время было модно говорить о «народном капитализме», «капитализме равных возможностей» и т.п. Большие средства были потрачены на пропаганду народного акционерного капитала. Чуть ли не каждый житель стал акционером какой-либо компании. Но, созданная таким образом коллективная собственность, никак не приблизила уровень жизни рядовых акционеров к уровню жизни реальных владельцев компаний. Буржуазия просто нашла еще один способ выжать деньги у населения, использовать их для развития своего бизнеса, а затем и обесценить акции, т.е. изъять вложенные населением средства обратно, попросту ограбить мелких акционеров. Способов для этого придумано много, например, дополнительная эмиссия акций, в целях, якобы, привлечения нового капитала. Таким образом, и государственная и коллективная форма собственности в данных случаях становятся не более чем разновидностями буржуазной частной собственности.

Но перечисленные формы собственности не являются единственно возможными проводниками форм буржуазной собственности. Такую роль в капиталистическом

обществе может выполнять и любая другая форма собственности. В том числе и общенародная собственность, если бы она в капиталистическом обществе появилась. Все зависит от того, кто и как, в чьих интересах, распоряжается такой собственностью.

Формально существовавшая в социалистических государствах общенародная собственность (в форме государственной) на самом деле не являлась такой по существу. Народ был лишен возможности оказывать какое-либо реальное влияние на управление, якобы, общенародной формой собственности. Безусловно, государственная, общенародная собственность в условиях социалистического государства, когда власть была в руках партии, выступавшей от имени рабочего класса и трудового крестьянства, не носила всеобщего характера буржуазной собственности. Но эксплуатация трудящихся все же не была полностью изжита и существовала в других, отличных от капиталистических, формах. Это было вызвано целым рядом причин:

- необходимостью борьбы с внешней угрозой;
- недостаточной грамотностью или просто глупостью управленцев;
- неэффективностью организации производства продукции народного потребления;
- отсутствием системы определения перспективности производства новых товаров;
- незаинтересованностью производителей в освоении новой продукции;
- отсутствием, во многих случаях, обратной связи между производителями и потребителями продукции;
- недостаточным вниманием к разработке и внедрению новых средств производства предметов народного потребления;
- неорганизованностью учета желаний населения иметь те или иные предметы потребления;
- неоправданно большими сроками разработки и внедрения новых предметов народного потребления, низкой производительностью труда в этой сфере;
- большим числом неэффективных работников, занятых в сфере разработки и производства;
- уравниловкой в системе вознаграждения за эффективный и неэффективный труд;
- непродуманной системой карьерного роста;
- практикой поддержки безынициативности и беспрекословного выполнения поручений руководства;

Все это позволяло изымать у трудящихся большую часть фактически заработанных ими средств. Безусловно, значительная часть изъятых у трудящихся средств шла на общественные нужды и возвращалась, таким образом, населению. Однако доходило до населения примерно 60% изъятых у него средств, а возможно даже и меньше. Куда же девались остальные 40 или даже больше процентов изъятых средств?

Вроде бы и не существовало в СССР отдельного класса эксплуататоров, но желающих поживиться на государственной, общенародной собственности всегда было немало. Дефицитные товары обогащали тех, кто имел доступ к их распределению, лояльная к расхитителям система списания «отходов производства» позволила создать крупный теневой бизнес на базе этих «отходов». Бизнесмены-цеховики в некоторых регионах могли потягаться с государственными производителями.

В продовольственном секторе экономики хранение сельскохозяйственной продукции допускало списание, как естественной убыли за счет порчи, до 50% продукции за сезон хранения. А перевозка продукции самолетом из Москвы, например, в Якутск или Магадан, за 7 - 10 часов полета позволяла списать от 5% до, в некоторых случаях, 25% перевозимых апельсинов, яиц и т.д. Причем, не смейтесь, аргументировалось это разницей веса одного и того же товара на разных широтах. По физике это действительно так, но отличаться вес

должен был на столь малые величины, что такая аргументация действительно вызывала смех у работников торговли. Но деньги в их карманах оседали вовсе не смешные.

Ясно, что большая часть этой «естественной убыли» позволяла создавать капитал группам работников, причастных к процессу «хранения» или «перевозки» продукции.

Вся эта «потерянная продукция» становилась источником эксплуатации трудящихся и создания теневого капитала. Необходимость легализовать этот капитал порождала взяточничество чиновников на всех уровнях бюрократии, покупку-продажу должностей во власти, разложение властных, в том числе и партийных, структур, их перенацеливание на возрождение буржуазного строя, что, в конце-концов, перерожденцам и удалось реализовать.

Таким образом, государственная, общественная собственность явилась источником возрождения буржуазии даже в условиях существования государства, осуществлявшего социалистическое строительство. В условиях капиталистического государства такая форма собственности могла быть формально объявлена общенародной, но управляемая ставленниками буржуазии, могла быть напрямую использована для эксплуатации ее формальных владельцев, в интересах буржуазии.

Таким образом, любая форма собственности может стать как источником формирования буржуазной формы собственности (или напрямую выполнять ее роль), так и выполнять роль составляющей социалистической экономики.

Рамки общенародной собственности, на начальной, достаточно продолжительной, стадии управляемой государством, наиболее подходят для формирования социалистической экономики. При этом государство не должно допустить тех ошибок в организации функционирования общенародной собственности, которые были указаны выше. В рамках такой собственности проще решать социальные вопросы, вопросы создания новых инфраструктур, реализацию крупных научно-технических проектов, внедрение новых технологий, концентрировать силы на самых перспективных направлениях развития экономики.

Приведенные ранее основания позволяют заявить о бесперспективности запрещения той или иной формы собственности. Любая из существующих при капитализме форм собственности может эффективно функционировать и при социализме, и при последующих общественных устройствах. Но только при условии, если каждая из этих форм собственности будет лишена права присвоения прибавочной стоимости, т.е. возможности эксплуатации человека собственником.

Рассмотрим эти соображения на примере частной формы собственности, которая вызывает наибольшее сомнение в праве на ее существование в условиях социализма и в последующих общественных устройствах.

Ранее уже было показано, что на самом деле любая из известных форм собственности обладает потенциальной возможностью эксплуатировать труд человека. Поэтому, при запрещении одной формы собственности было бы логично запретить и все остальные. Правда, до такого подхода пока еще никто не додумался. Но попытки запретить одну из форм собственности - частную, давно стали неотъемлемой частью идеологии коммунистов.

Почему же такой подход стал доминирующим в теории коммунизма?

Формирование буржуазных обществ в 18-19 веках происходило, в основном, на базе традиционной частной собственности. Именно владельцы такой собственности в жесткой конкуренции, присваивая результаты наемного труда, смогли создавать свои капиталы за счет эксплуатации наемных работников. Таким образом, обладатели первичной частной собственности смогли придать ей буржуазный характер, т.е. превратить эту собственность в источник нетрудового обогащения и накопления капитала за счет эксплуатации наемных работников. Исторически сложилось так, что частная форма собственности была, во времена формирования и становления капиталистических обществ, единственной,

значимой формой собственности, которую владельцы с максимальной выгодой могли использовать для формирования капитала за счет эксплуатации наемных рабочих.

Это стало возможным благодаря тому, что властные структуры государств, представлявшие интересы буржуазии, всячески поддерживали развитие и усиление мощи нарождавшейся буржуазии. Власть была в руках класса буржуазии, и она усиливала позиции именно той собственности, которой обладала. Если бы в те времена значительная часть буржуазии являлась владельцем иной формы собственности, например, коллективной, акционерной и т.д., буржуазная власть строила бы буржуазную экономику на этих формах собственности.

Но с приходом к власти пролетариата разрушение старого мира не должно было сводиться к отмене самой возможности существования частной собственности. Достаточным условием могла стать отмена возможности существования буржуазной составляющей этой собственности. Это стало бы возможным, если бы законодательство предусматривало положения, исключаящие (для любой формы собственности) возможность эксплуатации наемных работников и не допускало спекулятивного характера сделок при реализации товаров.

Наличие спекулятивных отношений между производителем и покупателем, в принципе, дает владельцу собственности даже отказаться от прямой эксплуатации наемных работников, но отказ от этой буржуазной составляющей собственности, при наличии другой, способной эксплуатировать уже не наемного работника, а покупателя, просто переводит процесс капиталистической эксплуатации на эксплуатацию других субъектов. Сегодня капиталистические страны активно используют принцип неравноценного обмена в отношениях с третьими странами.

Но создать условия, в которых владельцы собственности лишаются возможности использовать все возможные виды эксплуатации в целях создания личного капитала - возможно.

Это не столь простая задача и над ее решением старались не задумываться, в том числе и экономисты - коммунисты. Ведь проще что-то запретить, чем создать условия нормальной деятельности. Так и случилось в странах строящегося социализма по отношению к частной собственности.

Этот вид собственности запретили, забыв о том, насколько она многолика и разнообразна, забыв или не зная, что другие виды собственности, фактически, могут выполнять те же функции.

Каковы бы не были наши желания в отношении существования частной собственности сейчас и в будущем, нужно объективно оценить перспективы и понять, что частная собственность будет существовать всегда. Попытки запретить ее, бесплодны. Более того, уже сейчас появляются (и будут появляться) новые формы частной собственности, которые будут обладать возможностью создавать капитал.

Сегодня к такой, относительно новой разновидности частной собственности, можно отнести, например, интеллектуальную собственность. При большом желании, можно, конечно, запретить и ее. Можно превратить ее в общественную. Вот только согласится ли с этим носитель частной интеллектуальной собственности? Можно поставить его в такие условия, когда он будет делиться с обществом частью своих знаний, чтобы просто выжить, но и интеллектуал может создать свою систему противодействия. Потенциал знаний владельца интеллектуальной собственности может оказаться таким, что всему обществу может не поздоровиться. Не говоря уж о том, что даже пассивное сопротивление такого частника может попросту надолго задержать прогресс в том или ином направлении научно-технического развития.

Можно много говорить о высокой сознательности членов будущего общества, которые будут делать все, что пожелает социалистическое или коммунистическое государственное или самоуправление, но правильной будет не отрываться от реальности.

Соревнование с буржуазной интеллектуальной частной собственностью таким путем не выиграть. Нужно искать новые пути, новые формы борьбы за умы возможных противников, искать варианты допустимого компромисса.

По мере развития научно-технического прогресса уровень возможностей человеческой цивилизации будет все больше приближаться к тому, что эксплуатация человека человеком станет просто невозможной. Развитие достигнет такого уровня, когда не только выживание, но и уровень жизни человека перестанет зависеть от внешних

факторов. Тогда может даже перестать иметь значение вопрос о том, кому принадлежит собственность. Но до тех, неблизких, времен, нужно искать и использовать варианты общественного управления, которые не позволят любому виду собственности эксплуатировать наемных работников собственником. Причем вне зависимости от того, частный, коллективный ли это собственник, или государство, или все общество.

При решении этой задачи возможны разные способы. Возможен путь освобождения собственности от буржуазной составляющей законодательными средствами. В этом случае, собственность остается за собственником, но извлекать прибыль от эксплуатации он уже не сможет. Если такому процессу собственник будет противодействовать или выступать в роли саботажника, как это было в начале 70-х годов XX века в Чили, то в этом случае собственность будет у него изыматься. Капитал, приобретенный путем эксплуатации, также может изыматься в пользу общества. Земля, ее недра и все данное нам природой, а не созданное человеком, не может быть предметом частной собственности, но может передаваться во владение. В случае организованного сопротивления владельцев собственности возможно и запрещение такой собственности как мера борьбы против эксплуатации. Но такое запрещение не может быть постоянно действующей мерой борьбы с собственником. После нормализации процессов отношений между собственниками и пролетарским государством или общественным самоуправлением, запрет на существование формы собственности должен быть снят.

Такой подход вполне соответствует марксистской теории и чтобы убедиться в этом, нужно ознакомиться с тем, какие меры предлагали провести в отношении частной собственности К.Маркс и Ф.Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»:

«...первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производств».

Критики наверняка обратят внимание на следующую фразу из «Манифеста», якобы опровергающую все сказанное в нашем тексте выше:

«... централизовать все орудия производства в руках государства»...

Но критики не хотят замечать, что речь идет только о первом этапе борьбы за власть, когда нужно сломить сопротивление буржуазии, не оставить ей финансовых возможностей для противодействия пролетариату.

А дальше К.Маркс и Ф.Энгельс перечисляют конкретные 10 пунктов мероприятий, которые, по их мнению, нужно провести после установления власти пролетариата:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог.

3. Ликвидация права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.»

И ни один из этих 10 пунктов не упоминает о запрещении частной собственности. Кроме экспроприации той собственности, что была создана природой и присвоена ловкими гражданами, а также собственности эмигрантов и мятежников.

Мы за высокий прогрессивный налог на богатство, но мы с сомнением относимся к необходимости реализации в нынешних условиях пункта «Манифеста» о ликвидации права наследования. Сегодня само капиталистическое общество выработало правила ограничения права наследования. В некоторых странах капитала налог на наследство крупных состояний доходит до 80% от суммы наследства.

Вести же речь о запрещении права наследования обычного семейного имущества сегодня вообще не имеет никакого смысла. Такое имущество даже облагать каким-то минимальным налогом при наследовании не стоит. И все же, даже по этому пункту мы не беремся назвать его содержание очевидной ошибкой классиков. Мы говорим о неприемлемости на этом этапе развития скрупулезное исполнение этого пункта.

Представляя уровень развития будущей цивилизации, мы знаем, что вопрос о наследовании, в конце концов, умрет сам собой. Он просто потеряет всякий смысл. А пока этого не произошло, на каком-то этапе, для крупных наследств, временно, может применяться и мера ликвидации права наследования. Важно, чтобы такая мера не стала постоянной и не перешла границы целесообразности. Всегда нужно искать пути создания условий для отмирания необходимости существования неприемлемой для общества ситуации, а не силового разрешения ее путем запрета каких-то составляющих такой ситуации.

Отметим сразу, что это положение не относится к революционным ситуациям, когда временные запреты, изъятия, ограничения могут быть не только возможны, но и необходимы.

Сомнение вызывает актуальность пункта 6 о необходимости централизации всего транспорта в руках государства. Но эти сомнения простираются только до тех пор, пока сомневающиеся не вспомнят, что в середине 19 столетия к транспорту, который предполагали централизовать (заметьте, что даже не национализировать), относились железнодорожный, морской и речной транспорт. И тогда становится вполне логичным желание объединить такой транспорт в руках государства. Не было тогда ни самолетов, ни автомобилей, ни, даже, дирижаблей. Конечно, сегодня никто не претендовал бы на централизацию в руках государства личных автомобилей. Хотя, возможно, такое прямое понимание указаний «Манифеста» и привело к тому, что в Советском Союзе на десятилетия позже, чем на Западе, стало развиваться массовое производство легковых автомобилей.

А положение авторов «Манифеста» о том, что в руках государства должны быть сосредоточены транспортные системы, обеспечивающие бесперебойную работу социалистической экономики, и сегодня актуально.

К.Маркс и Ф.Энгельс неоднократно повторяли, что под словами «отмена собственности» они имеют в виду именно отмену буржуазной составляющей собственности, а не отмену собственности вообще. Ранее уже приводилась цитата из «Манифеста», подтверждающая это.

Кстати, и 7 пункт комплекса первоочередных мер подтверждает это. В этом пункте говорится об «увеличении числа государственных фабрик, орудий производства...» и даже не упоминается, что это должно быть сделано за счет отъема существующей частной собственности.

После периода военного коммунизма это хорошо понимал и В.И.Ленин. Новая экономическая политика (НЭП) для него была «всерьез и надолго». Понимание нашими марксистами того, что для успеха дела неплохо было бы использовать и возможности других форм собственности, кроме государственной (общенародной), очень бы сейчас пошло на пользу коммунистическому движению. История не первый раз показывает, что понимание сути марксизма не как естественное стремление к освобождению труда и к ликвидации эксплуатации наемного работника, а как уничтожение или даже только отмена всей частной собственности (а не ее буржуазной составляющей) наносит огромный вред делу социалистического строительства.

Профанация марксистских понятий в революционный период и период военного коммунизма, когда суть коммунистической теории преподносилась как прямое «уничтожение частной собственности» привело к тому, что объявление НЭПа многими коммунистами было расценено как поражение социалистических завоеваний. Зафиксировано немало случаев самоубийств коммунистов, посчитавших, что все, за что они боролись, чему были отданы годы борьбы, не имело смысла. Многие сегодняшние «ортодоксальные» марксисты, как они себя называют, хотят повторить ту же ошибку: хотят победить и навсегда остаться в военном коммунизме. Этого допустить нельзя.

О материалистической диалектике

*Григорьев Николай Константинович,
философ, психолог (природа, общество, человек и его сознание),
Цюрих*

Диалектика - это, прежде всего, одна из сторон проявления реальности.

Диалектика - это «теория и метод познания действительности», наука о «наиболее общих законах развития природы, общества и мышления». (Философская энциклопедия. т.1-й, ст.474). «В марксистской философии термин «диалектика» употребляется в значении теории и метода познания явлений действительности путем постижения самодвижения предмета на основе внутренних противоречий" (Там же). Таким образом, диалектика может быть одним из инструментариев организации адекватного мышления, если человек овладевает этим инструментарием. Т. е. сознательно использует законы и категории диалектики в своем мышлении.

Диалектика была объектом внимания мыслителей на протяжении многих веков. Значительный вклад в осмысление диалектики внес Гегель в начале XIX века. Но у него диалектика распространялась только на духовную сферу, как один из способов организации мышления и форма движения абсолютной идеи. Маркс К. увидел в гегелевской диалектике потенциал намного больший, чем видел его Гегель. Маркс К. материализовал гегелевскую спекулятивную диалектику, рассматривая ее как одну из сторон реального мира и уже материалистическую диалектику Маркс К. делает инструментом организации своего мышления. В этом - большая заслуга Маркса, давшего науке инструмент объективного

постижения реальности. Материалистическая диалектика лежит и в основании теории марксизма.

Глубинной сутью материалистической диалектики, как и природа в целом, является динамичность, подвижность, изменчивость объектов и процессов реальности. Развивается материя. Развивается общество. Бурно развиваются науки. Следовательно, и материалистическая диалектика должна развиваться, обогащаясь новыми законами и категориями. Об этом и пойдет речь ниже.

Но прежде - назовем традиционные законы и категории материалистической диалектики.

Законы: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания.

Категории: причина и следствие, необходимость и случайность; возможность и действительность, сущность и явление, форма и содержание; единичное, особенное и всеобщее; материя и сознание; движение, время. Это - перечень наиболее принятых законов и категорий материалистической диалектики, но он не является исчерпывающим. У разных авторов можно встретить категории "закона", "закономерности", "абстрактное и конкретное", "историческое и логическое" и другие.

Этот перечень предлагается пополнить.

Закон многофакторности. Любой объект, любой процесс природы испытывает на себе влияние многих факторов. Например, чтобы зерно пшеницы проросло и дало урожай, ему требуются: почва, питательные вещества в достаточном ассортименте и количестве, влага, тепло, солнечный свет, благоприятные климатические условия, защищенность от слома и вытаптывания. Если хотя бы одно из этих условий будет отсутствовать, полноценного урожая не будет или его не будет вовсе. Для того чтобы ребенок рос физически и психически нормальным, необходимо отсутствие отягченной наследственности у родителей, зачатие в благоприятных условиях, благоприятные условия во время внутриутробного развития, нормальное питание матери, ее здоровье, спокойная внутрисемейная обстановка, нормальное протекание родов, отсутствие серьезной патологии у ребенка в первые годы после рождения (время, когда идет активный процесс формирования всех органов и организма в целом), нормальное полноценное питание, спокойная социальная среда, в случае потребности - получить необходимую медицинскую помощь. Если хотя бы один из факторов будет неблагоприятным, у ребенка неизбежно будут отклонения в развитии или организма, или психики. Например, статистика свидетельствует: если у здоровых родителей зачатие произошло в состоянии опьянения, каждый десятый ребенок рождается с отклонениями от нормы или в сфере физической, или в психике. Такова цена одного из множества факторов.

Говоря о многофакторности, следует иметь в виду и взаимодействие, взаимовлияние факторов между собой.

Многофакторность создает определенные трудности в познании действительности (гносеологический аспект). Прошли тысячелетия, прежде чем человечество освоило технологию получения стойких высоких урожаев зерновых культур. А вот условия для рождения и формирования нормальных детей даже в так называемых цивилизованных странах и сегодня оставляют желать много лучшего.

Если внимательно прислушаться к разговору людей, к спорам политиков, можно заметить, что в сфере внимания говорящих и спорящих находятся не все факторы, имеющие прямое отношение к предмету обсуждения, но если принимаются во внимание не все факторы, влияющие на предмет обсуждения, значит, вывод будет неадекватный (ошибочный, ложный). Так проявляется ограниченная многофакторность в процессе мышления.

В реальности каждый фактор имеет свою значимость, особенность своего влияния на предмет или процесс, или на другие факторы. Целостность предмета, оптимальное протекание процесса возможны только в том случае, если каждый из факторов,

воздействующих на них, ограничен определенной мерой. Если у какого-нибудь фактора мера нарушена, это неизбежно нанесет ущерб предмету или процессу. Если растению дать воды меньше необходимого, оно усохнет. А если ему дать воды больше необходимого, оно сгниет. Одинаково вредны для здоровья и избыток, и недостаток еды.

Если при размышлении о чем-либо человек преувеличивает или преуменьшает значение того или иного фактора, верный вывод, верное решение у него не получится. Нарушение меры фактора ведет к неадекватности (к ошибкам, просчетам, заблуждениям).

Таким образом, закон многофакторности имеет все данные, чтобы занять место рядом с другими законами материалистической диалектики.

Закон зеркальной противоположности. Один из универсальных законов природы. Вся природа состоит из двух частей: вещества и полей, которые сущностно отличаются друг от друга, хотя и неразрывно связаны друг с другом. От атома до вселенной объекты из вещества окружены всевозможными полями. Сущности этих половин природы зеркально противоположны. Если в мире вещества объект занимает в пространстве определенное место и другой объект из вещества это место занять не может, то в мире полей в одной и той же точке пространства одновременно находится бесконечное множество разнообразных полей. Если объектам из вещества присущи вес, объем, инерция движения, плотность и т.п., то в мире полей таких качественных характеристик или вообще нет, или они бесконечно малы.

Закон зеркальной противоположности позволяет по-новому взглянуть на гипотетическое пока информационное пространство и проблемы непознанного; на психику, как на уникальный феномен природы. А значит - приблизиться к более глубокому пониманию человека - объекта и субъекта социальных отношений, его потенциальные возможности.

Закон полимонического универсума (много в одном и таких объектов бесконечное множество). Одной из форм проявления этого закона есть голограмма - уникальное проявление сущностных качеств природы. Голограмма - это объемный (трехмерный) рисунок в кристалле, созданный лазерным лучом. Если голографическое изображение раздробить на части, в каждой из частей сохранится цельное изображение. Все качества и свойства растения неявно (латентно) заложены в его семени, и таких семян - множество не только в половой клетке живого существа, но и в каждой клетке его организма имеется информация обо всем организме. На этом основана технология клонирования. Высказывается мнение, что гипотетическое информационное пространство организовано по принципу голограммы: в каждой его точке сосредоточено бесконечное множество самой разнообразной информации. Такая трактовка информационного пространства позволяет объяснить проявление экстрасенсорных способностей человека (ясновидение, интуиция, предсказания и т.п.). В медицине используется иридодиагностика - диагностика по радужной оболочке глаза. В народной медицине известны: акупрессура - воздействие на биологически активные точки организма, стопотерапия (воздействие на точки, расположенные на стопе), терапия по ушной раковине и т.п.

Более подробно о законах зеркальной противоположности и полимонического универсума смотри книгу Григорьева Н.К. «Человек и его психика».

В ранг категорий материалистической диалектики просится термин «система». «Система.. множество элементов с отношениями и связями между ними, образующее определенную целостность». (Философская энциклопедия М.1970, т.5, ст.18)

Систему представляют собой: атом, молекула, клетка, растение, живой организм, человек, семья, коллектив, общество, государство, межгосударственные объединения, планета Земля, солнечная система, галактика, вселенная, любой механизм, любая организация труда, любая общественно-экономическая формация и цивилизация. Все это - системы, своеобразные объединения, представляющие собой определенную целостность. Систему можно рассматривать как одну из специфических форм проявления закона многофакторности.

Очевидно, есть резон рассматривать и систему систем - такую целостность, которая представляет собой объединение систем: человек, растение, животное государство и т.д.

Пользование категориями "система" и "система систем" создает определенные трудности для человека в понимании им реальности, поскольку требует держать в сфере внимания одновременно много составляющих и отношений между ними. С гносеологической точки зрения, ограниченная многофакторность проще, доступнее для человека, но она приводит к искаженному восприятию реальности. А значит - к неверным, ошибочным выводам, решениям. Истина требует наиболее полного учета всех факторов и их взаимовлияния.

Напрашивается на рассмотрение проблема конкретных (частных) диалектик. Законы и категории диалектики рассматриваются как универсальные, применимые абсолютно ко всем сторонам реальности. Но ведь, скажем, космос и живой организм - это очень разные образования. Возможно, есть смысл ввести в обиход понятие конкретной или частной диалектики. А также - диалектику особенного и единичного.

Законы и категории диалектики - это очень высокий уровень абстракции, включающий наиболее значимые черты реальности. Этот уровень не может отразить все особенности конкретных объектов, все многообразие проявлений природы.

В то же время очень часто при рассмотрении конкретных объектов пользуются наиболее общими формулировками. Т.е. вне сферы рассмотрения могут оставаться факторы, имеющие отношение именно к данному конкретному объекту. Такие упущения ведут к заблуждениям, ошибкам, иллюзиям, принятию неадекватных решений.

К сферам особенных диалектик можно отнести: неживую природу, мир растений, мир живых существ (включая животных), общество, человека, психику человека (включая сознание и мышление).

В каждой из названных сфер существует большое количество объектов, в границах которых и протекают реальные диалектические процессы.

Думается, что пополнение перечня законов и категорий материалистической диалектики, их активное использование в процессе мышления позволит материалистам-диалектикам более глубоко проникать в сущность рассматриваемых проблем, а значит - приближаться к более верному их пониманию, приближаться к истине.

Проблема генезиса: что из чего?

*Радичук Николай Михайлович,
историк,
Нововолыньск*

Вопрос, вынесенным в заглавие настоящих заметок, невольно возникает при чтении статьи Богдана Грицкива «Генезис Компартии Украины» («Рабочий класс» - орган Союза рабочих Украины, сентябрь 2009 г. № 34).

Причинно-следственные связи запутаны так, что не понять, то ли плохое руководство страной возрождало в ней буржуазность, то ли стихийно возрождавшаяся буржуазность разлагающе воздействовала на руководство, заталкивая его в оппортунизм. В целом картина выглядит так, что экономический строй царской России был лучше, чем экономические отношения в СССР: в первом случае на благоприятной экономической почве выросли Ленин и большевики, во втором - Горбачев и «перестройщики».

Погубила КПСС, рассказывает Б.Грицкив, ссылаясь на статью Алексея Данко «Размышления о классовых причинах контрреволюции на территории Советского Союза» из «Пролетарской газеты» г. Ленинграда № 26 за 2006 г., мелкобуржуазность. Перерождение началось «с середины прошлого века», партия стала «хрущевско-брежневской».

Тут же оказывается, что не с середины XX ст., с 1940-х годов, с Великой Отечественной войны. Это несуразное смещение датировки понадобилось, чтобы не обвинять Сталина, а взвалить вину на Хрущева - Брежнева, хотя никаких для этого оснований нет. В годы войны в партию массово принимались фронтовики, а это были преимущественно крестьяне. Хотя эти крестьяне были колхозниками, но у них были приусадебные участки, которым они после войны придавали слишком большое значение, превращаясь, таким образом, в «мелких хозяйчиков».

Получилось «засорение мелкобуржуазными элементами с психологией хозяйчика» партийных рядов. Борьба с этим засорением было весьма затруднительно. Во-первых, такие лица уже составляли значительное число в партии. Во-вторых, они имели военные заслуги перед социалистической Родиной в недавнем прошлом, а это надежно прикрывало их от партийной критики товарищей».

Идет посылка на Ленина, который написал в 1922 году: «...Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа... Все умные белогвардейцы вполне определенно учитывают, что пролетарский характер нашей партии несколько не гарантирует ее от возможного перевеса... элементов буржуазных... Если у нас имеется в партии 300 - 400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно...

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, не громадным, безраздельным авторитетом того тончащего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение уже будет зависеть не от него» (Полн. собр. соч., т.45, с. 18, 20).

Ленин писал эти строки в ЦК, готовясь к XI партсъезду. Уж, коль цитировать Ленина, так надо вчитываться в цитируемое. Ленин писал это не для констатации опасности для партийца, а для предложения мер по защите партии. Важнейшую роль в мыслях Ленина занимает количество членов партии - даже 300 - 400 тысяч, по его мнению, многовато. Если бы такой же мысли следовало руководство ВКП/б в годы войны и в первые послевоенные годы, разбухания партии за счет нестойких элементов не было бы, или оно бы успешно одолевалось. Но тут было иное, отнюдь не ленинское, отношение к количеству членов партии. Об этом говорит опыт истории. На XII съезде РКП/б в апреле 1923 г. его делегатами было представлено 386 тыс. членов партии, но к XIII партсъезду, на май 1924 г., их стало уже 735 тыс., а к XVI партсъезду в 1930 г. число членов партии превысило миллион. Такую линию проводил Сталин.

У Ленина и Сталина было разное понимание сущности партии, разное ее виденье. Каким было ленинское виденье партии, это выражено в его замечании о тончайшем слое старой партийной гвардии, игравшей в партии решающую роль. Это были те старые партийцы, пришедшие в партию до революции, которые умели мыслить, ибо шли в партию уже убежденными марксистами, у которых были собственные позиции, которые умели решать и отвечать за свои решения.

Ленин думал об увеличении количества таких людей в партии, о том, чтобы из таких людей состояла вся партия, как авангард стоящего у власти пролетариата. Такая партия не могла быть многочисленной вообще, тем более в тогдашних условиях.

Сталину нужна была партия исполнителей; по его мнению, для решения партийных задач было достаточно партийной верхушки и его самого. В его понимании, чем больше таких послушных исполнителей, тем лучше. Не партия людей мысли нужна, а бюрократический исполнительный аппарат.

Лишено всяческого основания утверждение, что крестьянский состав партийных рядов мог повлиять на позиции партийной верхушки, принимавшей решения. Она была достаточно удалена от партийных масс и достаточно от них изолирована. О каком влиянии могла идти речь, если 13 лет (1939- 1952) не созывались партийные съезды,

а те, которые состоялись (XVIII и XIX), имели своей целью не выслушивать мнение снизу, а довести до сведения волю высшего руководства. С другой стороны, столь же фальшиво утверждение, что боевые заслуги защищали от критики. Была не критика, а просто изгоняли из партии тех, кто осмеливался высказывать мнения, не согласованные с мнением руководства.

Б.Грицкий упрекает нынешнюю КПУ, что она не осудила XX и XXII партсъезды, но не говорит, за что их осуждать. Было ли ложью то, что говорилось на XX съезде? Но все делегаты съезда жили в те времена, о которых шла речь, знали правду, но не возражали. Плохо ли было то, что XXII съезд принял программу коммунистического строительства? В то же время Б.Грицкий не говорит об осуждении XXV и XXVII съездов КПСС, принявших решения на уничтожение социализма. Коммунизм Б.Грицкиву не по душе, зато у него нет возражений против реставрации капитализма.

Можно не заниматься специально исследованием деятельности Хрущева, чтобы дать этой деятельности положительную оценку. Достаточно обратить внимание на всеобщую ненависть всех тех, кому не нравится коммунизм, но нравится «перестройка», которую он себе снискал, на доходящие до абсурда обвинения в его адрес. Партия-де стала хрущевско-брежневской, - пишет Б.Грицкий. Но что может быть общего между политической позицией Хрущева и Брежнева, если именно группа Брежнева лишила Хрущева всех должностей и засадила до конца дней его под домашний арест со строжайшей изоляцией от внешнего мира? Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, заявляет Б.Грицкий, провозгласил курс «на развитие личного подсобного хозяйства». Знаком ли Б.Грицкий с материалами пленума? Сомнительно. Но если да, то тем позорнее подобная ложь.

Пленумом четко и последовательно ставилась задача «укрепления и всестороннего развития общественного (выделено мною - Н.Р.) хозяйства колхозов...» КПРС в резолюциях і рішеннях з'їздів, конференцій, пленумів ЦК. Частина третя. Держполітвидав УРСР, Київ, 1954 р., с.612).

Колхозники в партии, по Б.Грицкиву, - источник мелкобуржуазного оппортунизма. Он не хочет считаться даже со Сталиным, который еще в 1938 году, в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» говорил: «Обычно принято говорить, что крестьянство - это ...класс мелких производителей... Такого крестьянства у нас уже нет, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность...» (Вопросы ленинизма. Госполитиздат, 1957, с.51). В меру развития колхозов крестьянство все больше сближалось с рабочим классом. Этому способствовал и сентябрьский пленум ЦК, о котором шла речь выше. Б.Грицкиву стоило бы посмотреть на нынешнее село, в котором в существенной мере сохраняются привычные коллективные формы хозяйствования. Крестьяне сохраняют остатки социализма получше рабочих, не говоря уж о партноменклатуре.

По Б.Грицкиву, не только крестьянство, но и интеллигенция подвержена «таким социальным болезням, как карьеризм, бюрократизм, склонность к идеализму, завышенное мнение о своей общественной значимости». Сталин на XVIII партсъезде высмеивал отрицательное отношение к социалистической интеллигенции, «...Рабочие и крестьяне, недавно еще работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта. Выходит, что образование - вредная и опасная штука» («Вопросы Ленинизма», с.609). Впрочем, интеллигентами были Маркс, Энгельс, Ленин.

Расправляясь с колхозным крестьянством и интеллигенцией, Б.Грицкий обходит молчанием такую социальную группу, как бюрократия. Он не первый занимает такую позицию, на ней стоят многие авторы, охраняя, вроде по традиции, власть имущих. Бывает, для запутывания сути дела затевают схоластический спор, считать или не считать бюрократию классом, вроде в этом есть что-то важное. Но Б.Грицкий задел такую

социальную группу как интеллигенция, потому и мы без колебаний будем говорить о такой социальной группе как бюрократия.

Бюрократия выполняет трудную и важную задачу руководства и управления обществом. Социальная группа, выполняющая эту задачу, имела в истории и другие формы, особенно в эпоху ее становления, но суть в любом случае остается одна и та же: для выполнения своей общественной роли бюрократия создает специфическую внутреннюю организацию, благодаря которой она, действуя как единое жестко связанное целое, оставаясь относительно небольшим меньшинством населения, уверенно управляет всеми. Принадлежность к бюрократии, в отличие от других социальных групп, фиксируется, а заодно с порога фиксируется и место каждого к группе принадлежащего в ее внутренней структуре: определяется, кто ему подчинен и кому подчиняется он сам. Решающей нормой поведения человека в бюрократической системе является строгое следование указаниям сверху. Это объективно необходимо, только благодаря этому послушанию бюрократия способна выполнять свою общественную функцию. Но это соответствующим образом извращает человека, да и требует человека, по своей природе склонного к такому извращению: бюрократ теряет способность иметь собственное мнение, если даже оно у него раньше было. Его происхождение теряет всякое значение. Советская правящая элита создавалась заново из выходцев из трудящихся классов, что, однако, со временем нисколько не помешало ей стать обычным бюрократическим аппаратом.

Бюрократия по своей природе не способна иметь свое мнение, но оно необходимо для определения цели и смысла управленческой деятельности в каждой новой социальной и политической ситуации, которые постоянно меняются. Поэтому весь аппарат управления легко склоняется туда, куда ведет его вершина, и если какая-то внешняя сила эту вершину захватывает, то вся система становится к ней на службу. На ранних этапах формирования классового общества, когда слаб еще был экономически господствующий класс, аппарат власти захватывали отдельные лица или группы лиц. Создавалась так называемая деспотия. Ныне вершину аппарата бюрократии захватывает буржуазия.

Класс - рассеянная общность людей, выступающая политической целостностью лишь под руководством своей политической партии. Буржуазия содержит такие партии, какие ей нужны, а те выступают ее полномочными представителями, хотя обычно и негласными, и берут в интересах своих хозяев в свои руки вершину аппарата, а этим самым и весь аппарат, всю бюрократию.

Советское государство формировалось как государство диктатуры пролетариата, но пролетариат тоже выступает единой политической силой только под руководством своей партии. Пролетарская партия, РКП/б/, однако, сама включилась в бюрократический аппарат так, что растворилась в нем, стала его элементом. Советское государство потеряло хозяина. Поэтому им заправляли, как своей собственностью, генсеки и их ближайшее окружение. Генсеков же, надо полагать, прибирали к рукам иностранные буржуазные силы. Во всяком случае, государство перестало существовать, развалив себя собственными силами.

В непонимании того, что нельзя исключать бюрократию из структуры общества, ибо ее роль тут слишком велика, и заключается несостоятельность всего разговора Б.Грицкива, как и других подобных авторов. Эта «забывчивость», надо полагать, не случайная. Бывшая номенклатура, нынешняя правящая буржуазная элита, сохраняет свое влияние и стремится затушевать свою роль контрреволюционной силы, разрушившей социализм в СССР и других бывших социалистических странах.

Еще не были закончены настоящие заметки, как пришел очередной номер «Рабочего класса», а в нем статья: Г.Х. Козюпа «Правда о XX съезде КПСС». Симоненко от коммунизма пошел вправо, прямо в представители капитала. «Рабочий класс» идет на службу буржуазии окольным путем, через сталинизм. Сталинизм ведь бюрократически извращенная форма коммунизма. Буржуазия теснит коммунизм все успешнее. Печально, но факт.

Тезисы о революции, диктатуре пролетариата и праве наций на самоопределение

*Старовер Александр
Рабочий
Киев*

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому, как коммунизм - его деяние - вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование. А всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано с всемирной историей».

«Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения».

К.Маркс Путь к социализму лежит через социалистическую революцию, ликвидацию частной собственности на средства производства, разрушение буржуазной государственной бюрократической машины и вовлечение в управление обществом всех трудящихся.

Этого положения вполне достаточно, чтобы размежеваться с «коммунизмом» зюгановского и симоненковского пошиба, но далеко не достаточно для того, чтобы в этих принципиальных вопросах встать на позиции научного коммунизма, т. е. марксизма.

Сказанное отнюдь не означает, что это наше понимание мы должны выводить исключительно из теории марксизма. Поскольку сам марксизм рассматривает реальный исторический процесс также и как действительный процесс познания, а себя как обобщение, теорию этого познания - прежде всего как материалистическое понимание истории развития буржуазного общества, то задача для нас заключается в том, чтобы наше понимание социалистической революции вывести при помощи марксизма из всей истории развития капиталистического общества (включая опыт XX века) и разворачивающегося на наших глазах глобального кризиса перепроизводства. В противном случае наш социализм рискует превратиться в абстракцию, мертвую догму или реакционную социалистическую утопию, подобную тем, которые Маркс и Энгельс анализируют в конце «Манифеста», или те же Зюганов и Симоненко пытаются сегодня навязать трудящимся. И это произойдет даже против нашей воли, несмотря на то, что мы как заклинание будем все время упорно твердить: «Революция, диктатура пролетариата, ликвидация частной собственности!»

Чем коммунистическая революция, на встречу которой идет человечество, будет принципиально отличаться от всех предшествующих буржуазно-демократических и национально-освободительных революций? Прежде всего тем, что это будет мировая революция. Опыт XX века убедительно доказал, что мировая коммунистическая революция не может быть простой механической суммой общественных преобразований через завоевание пролетариатом государственной власти в одном государстве за другим. Даже если революция осуществляется пролетариатом, даже если старый государственный аппарат разбит и произведена его замена на новые, революционные формы власти, но эта революция остается замкнутой в своих национальных пределах - объективно мы имеем дело с чем угодно, но только не с коммунистической революцией: с попыткой страны перейти из периферийной в полупериферийную зону, сохранить свой полупериферийный статус или вырваться за его пределы.

Ни Советский Союз, ни Югославия, ни КНР, ни Албания, ни Северная Корея, ни Вьетнам, ни Куба, ни Кампучия, ни другие страны так называемого социалистического лагеря так и не смогли выйти за пределы своей национально-государственной ограниченности, образовать принципиально новую всемирно-историческую общность людей, ликвидировать разделение человечества на капиталистический центр и капиталистическую периферию. О том, что это был за «социализм», красноречиво говорит тот факт, что между самими этими «социалистическими» странами в ряде случаев дело доходило до открытых вооруженных конфликтов и даже войн, как это имело место между СССР и КНР, между КНР и Вьетнамом, между Вьетнамом и Кампучией. Между «братскими» государствами социалистического лагеря существовал такой же жесткий визовый режим, как и между самим Восточным блоком и капиталистическим Западом. О каком социализме при этом может идти речь?

Сегодня мы понимаем, что эти страны и не могли осуществить переход к коммунизму по той причине, что мировая коммунистическая революция 1917-1923 гг., ключевым звеном которой была революция в Германии и Европе в целом, потерпела поражение. Максимум на что были способны после этого государства периферийного и полупериферийного капитализма, в которых трудящиеся добились национальной независимости и до конца разделались с патриархальными и феодальными пережитками, так это посредством государственного капитализма (который с подачи сталинизма стал синонимом социализма), за счет крестьянства, не считаясь ни с какими жертвами, осуществлять одну за другой отчаянные попытки по первоначальному накоплению капитала и модернизации экономики.

В Советском Союзе эта модернизация прошла успешно, в Кампучии потерпела полный провал, но в целом экономические достижения мировой системы госкапитализма были налицо, хотя они и не шли ни в какое сравнение с тем уровнем развития, которого достигли США, Япония и Западная Европа. Львиную долю мирового валового продукта в конце XX века производили передовые капиталистические страны, что и предопределило исход борьбы: не выдержав конкуренции сначала за мировое лидерство, а затем за сохранение статуса субимпериализма, субподрядчика империализма США, разъедаемый бюрократизмом и ведомственностью, подтачиваемый теневой экономикой и коррупцией, Советский Союз распался, а вместе с ним и вся мировая система «социализма».

Но вместе с распадом Советского Союза далеко еще не потерпела поражение идеология «национал-коммунизма». До сих пор подавляющее большинство левых на постсоветском пространстве уверены: для того, чтобы приступить к социалистическому строительству, достаточно захватить власть в той или иной отдельно взятой стране, национализировать средства производства, восстановить директивное планирование, создать мощный военно-промышленный комплекс и отгородиться железным занавесом от остального капиталистического мира, дескать, пусть они живут там как хотят, а мы будем строить у себя социализм.

Существует также масса предложений дополнить эти основные мероприятия различными мерами идеологического, политического, экономического, организационного и технического порядка, например, реабилитировать в общественном сознании светлый облик товарища Сталина; или больше внимания уделять развитию теории; или перейти от территориального принципа выборов к производственному, или сделать базовой ячейкой власти советы трудовых коллективов; или полностью отказаться от назначенчества в подборе и расстановке руководящих кадров; или внедрить общегосударственную компьютеризированную, автоматизированную систему управления экономикой и т. п.

Мы не будем сейчас обсуждать, какие из этих и других предложений являются вздорными и неприемлемыми, какие дельными и желательными, а какие абсолютно необходимыми. Главное заключается в другом: сегодня становится все яснее (особенно в свете глобального экономического кризиса и усиливающихся тенденций развития мировой экономики по пути госкапитализма), что не существует локального решения,

глобальных проблем, что без ликвидации, слома буржуазного, т. е. национального государства и замены его «государством» диктатуры пролетариата, т. е. единым «государством» планетарного масштаба, т. е. полугосударством, отмирающим «государством», ни о каком переходе к коммунизму не может быть и речи.

Без этого невозможно нанести решающий удар и по частной собственности, львиную долю которой представляет сегодня государственный, государственно-монополистический, монополистический, транснациональный капитал, и по капиталистической конкуренции, главными агентами которой являются именно национальные государства, объединения национальных государств и ТНК.

Необходимо, в конце концов, осознать, что ликвидация буржуазного (национального) государства, ликвидация власти капитала, ликвидация частной собственности, ликвидация власти рынка и анархии производства над человечеством есть не разные меры, а один и тот же процесс, одна и та же мера.

«Социализм, - отмечал в свое время Ленин, - есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» (Т.34, с. 192).

Сегодня в это определение мы обязаны внести одно, но очень существенное изменение: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего ЧЕЛОВЕЧЕСТВА и постольку переставшая быть капиталистической монополией». Социализм - это капитализм без национальных границ, военно-промышленного комплекса, постоянных армий, с единой валютой, с общественной собственностью на основные средства производства, землю и ее недра, с единым глобальным гражданством, едиными глобальными политическими, экономическими, социальными правами человека...

Вчитаемся в следующие строки, написанные К.Марксом: «В предшествующей истории эмпирическим фактом является, несомненно, также и то обстоятельство, что отдельные индивиды, по мере расширения их деятельности до всемирно-исторической деятельности, все более подпадали под власть чуждой им силы... - под власть силы, которая становится все более массовой и, в конечном счете, проявляется как мировой рынок. Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта... сила уничтожится благодаря ниспровержению существующего общественного строя коммунистической революцией и благодаря тождественному с этой революцией уничтожению частной собственности; при этом освобождение каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история полностью превратится во всемирную историю. То, что действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений, ясно из сказанного выше. Только в силу этого отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и оказываются в состоянии приобрести себе способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми). Всесторонняя зависимость, эта стихийно сложившаяся форма всемирно-исторической совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними» (Т.3, с.36).

Отсюда вывод: диктатура пролетариата есть не что иное как «принуждение» к всемирной истории: форма, средство, способ превращения истории во всемирную историю, т. е. в коммунизм. Если лозунгом восходящей буржуазии был лозунг «нет сословий, есть только нация, только граждане одной нации», т. е. лозунг гражданского общества, то главным коммунистическим лозунгом был и остается лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», т.е. лозунг «нет наций, есть единое человечество». Вспомним 10-й тезис о Фейербахе К.Маркса: «Точка зрения старого материализма (материализма английской

буржуазии XVII в., французской буржуазии XVIII в. - А.С.) есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма (материализма современного пролетариата - марксизма - А.С.) есть человеческое общество, или обобществившееся человечество».

Здесь неизбежно возникает вопрос, а как же быть с правом наций на самоопределение, который отстаивал Ленин и большевики? Ведь всякое право есть возведенная в закон воля господствующего класса, а право наций на самоопределение есть не что иное, как право буржуазии вести свой народ по капиталистическому пути развития? Выходит, что таким образом Ленин и большевики отстаивали буржуазные интересы? Ну а раз сам Ленин и большевики горой стояли за право наций на самоопределение, то уж нам сам бог велел, не так ли?

Разберемся.

Безусловным требованием марксистской теории, - считал сам Ленин, - при разборе какого бы то ни было социального вопроса, является постановка его в определенные исторические рамки. Это значит, что и к данному вопросу, мы должны подойти не абстрактно, не как к некоторой вневременной, внеисторической, вечной истине, а конкретно-исторически.

«Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу? – спрашивал Ленин. - Прежде всего, оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это - эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее "тяжелого на подъем" слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитый капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением» (Т. 25, с. 264).

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец - условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы - более того: для всего цивилизованного мира - типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство» (Т. 25, с. 258-259).

«В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по

1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах - вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе» (Т.25, с. 269).

Со времени написания этих строк прошло около ста лет. Изменилась ли ситуация за это время? Безусловно!

Патриархально-феодальные, абсолютистские режимы в подавляющем своем большинстве канули в прошлое.

Практически все бывшие колонии обрели независимость, и пошли по капиталистическому пути развития. Бывшие многонациональные империи распались, пережили несколько разделов и переделов и на их месте образовались современные буржуазные государства. В мировой экономике господствующие позиции занял государственный, государственно-монополистический, монополистический и транснациональный капитал.

Объединения капиталистов достигли суб-континентальных, континентальных и трансконтинентальных масштабов, а капитализм в целом - своих политических и экономических, исторических и географических, демографических и экологических пределов развития, свидетельством чему является нынешний глобальный кризис перепроизводства.

А это значит, что в целом право наций на самоопределение исчерпало свой когда-то прогрессивный буржуазно-демократический потенциал вместе с самим капитализмом. Пока еще можно спорить по поводу тех или иных исключений из общего правила, но уже не о принципе. Империализм разрешает межнациональные конфликты таким образом, что постоянно их воспроизводит. Они давно уже стали просто одной из превращенных форм конкуренции между несколькими мировыми центрами накопления капитала.

Буржуазия в целом реализовала свое право на национальное самоопределение. Наступает для пролетариата пора реализовать свое «право» на мировую

революцию, на объединение трудящихся всех наций в единое человечество. Только таким образом возможно раз и навсегда покончить с межнациональной грызней,

ксенофобией, расизмом, национализмом, великодержавным шовинизмом и фашизмом. Само собою, разумеется, что упразднение наций (национальных государств) отнюдь не предполагает унификации и ликвидации существующего этнокультурного

многообразия. Наоборот, история, культура, язык каждого народа становятся с этого времени достоянием всего человечества, одним из главных источников его дальнейшего развития. Что конкретно послужит толчком, исходным пунктом начала мировой революции, какие этапы в своем развитии ей придется пройти, какие трудности и проблемы возникнут перед пролетариатом на этом пути, мы сегодня не знаем, да и знать в деталях не можем. Это покажет само развитие глобального кризиса, непосредственный опыт борьбы самих трудящихся, когда в нее будут втянуты миллионы. Но что мы можем и должны знать наверняка, так это то, за что в принципе идет борьба, а также то, что главным способом преодоления всех трудностей, решения всех проблем может быть только последовательный интернационализм, глобальная солидарность.

Альтернативой этому может быть только война между трудящимися, но уже не за свои классовые интересы, а за интересы «своей» национальной или региональной буржуазии.

Вооруженные конфликты и войны являются неотъемлемым спутником классового общества. Это просто другая форма конкуренции. Отличительной чертой буржуазного общества является то, что это не локальная цивилизация, а мировая система, основу которой составляет мировой рынок. Уже дважды конкуренция на этом рынке приводила к мировым войнам. Вместе с развитием глобального кризиса все четче будет проступать альтернатива: мировая война или мировая революция. В условиях кризиса, как отдельные капиталисты, так и капиталистические государства пытаются выйти из него за счет друг друга, и все вместе за счет трудящихся. Не будем забывать, что именно на волне мирового кризиса фашисты пришли к власти сначала в Германии, а затем почти и во всей Европе.

Капитализм создал производительные силы планетарного масштаба. Национально-государственная форма давно уже сковывает их развитие. Мировые кризисы и мировые войны тому свидетельство: форма не соответствует содержанию, необходимо привести ее в соответствие с этим содержанием. Это и есть мировая революция. Дальнейшее неуправляемое развитие мировых производительных сил в форме капиталистической конкуренции между старыми и новыми империалистическими государствами и объединениями государств, чревато не просто новыми локальными войнами, а гибелью всего человечества.

Большинство армий готовится к уже прошедшим войнам, а большинство старых левых - к прошедшим революциям. В этом заключается большая опасность для «самоопределения» пролетариата. Непростительно для марксистов думать «как Ленин» в то время, когда сам Ленин думал бы уже по-другому

Дискуссионная трибуна

Отклик на статью - Хребет В.В. «Истоки «коммунистического кретинизма»

*Григорьев Николай Константинович,
философ, психолог (природа, общество, человек и его сознание),
Цюрупинск*

В статье анализируются причины развала СССР. Как видно, по названию нельзя определить тему. Тема развала СССР - трудная, сложная, имеющая много составляющих. В ней можно выделить причины основные и производные, внутренние и внешние, главные и неглавные, объективные и субъективные. СССР следует рассматривать как систему систем, с одной стороны. И как элемент системы стран социалистического содружества, с другой стороны. Следует выделить факторы внутренние и внешние, повлиявшие на процесс распада.

В статье затронуто много проблем. По любой из них можно вести отдельные дискуссии. В отклике невозможно рассмотреть их все. В статье, на мой взгляд, много верных мыслей. но есть и спорные положения и суждения, вызывающие вопросы. О некоторых из них пойдет речь.

Автор проводит параллель между положением, в котором находится сейчас КПУ, и РСДРП/б/ после столыпинской реакции, называя эти положения аналогичными. С такой аналогией трудно согласиться. Положения партий, о которых идет речь, имеют существенные различия. РСДРП/б/ в 1912 году - это молодая партия, уверенная в своих идеях, в своих победах, торящая дорогу революционной борьбы, имеющая определенную

поддержку среди рабочего класса России, имеющая опыт работы в подполье и опыт борьбы с царской охранкой.

КПУ в конце XX-го - начале XXI-го веков - это осколок некогда правящей партии, добровольно отказавшейся от власти, уступив ее контрреволюционерам. Партии, члены которой после контрреволюционного переворота разбежались по разным националистическим и буржуазным партиям. КПУ - партия в одной из республик бывшего СССР. Находящаяся под сильным антикоммунистическим прессингом. Партия, которая в 1991 году сама себя запретила. Партия, утратившая поддержку трудящихся, от выборов к выборам теряющая мандаты депутатов Верховного Совета. Партия, которая не смогла извлечь уроки из поражения КПСС. Партия, которая и сегодня не способна дать объективную оценку своему оппортунистическому руководству. Партия, не способная организовать трудящихся на борьбу за свои права. Не способная объединить левые силы. Объединение так называемых левых к президентским выборам - это профанация.

Как видим, различия между положениями, в которых находились партии, очень значительные. Поэтому, говорить об «аналогичной ситуации» нет оснований.

При этом нужно заметить, что сам автор называет различия условий, в которых находились партии, хотя называет их далеко не все, делая акцент на нелегальном положении РСДРП/б/ и легальном положении КПУ. Конечно, легальное или нелегальное положение партии - это фактор существенный, но далеко не единственный, позволяющий судить о потенциях партии. Только учет всех факторов, влияющих на партию и друг на друга, могут приблизить нас к верному пониманию проблемы. Ограниченная многофакторность - причина ошибок. (см. статью «О материалистической диалектике»).

Автор говорит о процессе вырождения «научно обоснованной теории марксизма в новую религию под влиянием оппортунизма». Это суждение включает три проблемы, каждая - требует особого внимания.

Теорию марксизма изначально принято было считать теорией научной. В науке принято: научной считается та теория, которая многократно подтверждена практикой. Можно ли это сказать о теории марксизма? Да, у нее есть положения, апробированные практикой, например, политэкономия капитализма, но все ли положения теории марксизма прошли проверку практикой? Почему-то марксисты такие вопросы перед собой не ставили. Прошло более 150 лет с момента появления на свет теории марксизма. Марксистское движение имеет большую практику. Значит, есть возможность сравнить теоретические положения с практикой их реализации. Это - нормальный научный подход к теории. Если быть последовательно объективным, то нужно признать, что не все положения теории марксизма отвечают требованиям научности. Взять, к примеру, термин "коммунизм". Он активно используется в теории, но можно ли его считать научным? Ведь до сих пор нет практики реализации идеи коммунизма. В лучшем случае, это может быть гипотезой. В полной мере это относится к роли пролетариата в социалистической революции, к идее диктатуры пролетариата.

Таким образом, теория марксизма изначально не была последовательно научной. И практика это подтвердила. Поэтому, есть резон говорить не о вырождении научно обоснованной теории, а о том, что в теории марксизма не все положения научно обоснованы. Это и показала практика реализации теории.

А вот мысль автора о том, что теория марксизма стала объектом веры, сомнений не вызывает. Это действительно так. Для того, чтобы теория марксизма стала руководством к действию, как говорил Ленин В., люди, считающие себя марксистами, должны владеть законами и категориями материалистической диалектики, как инструментами своего мышления. К сожалению, этого не произошло. Партийцы пользовались готовыми формулировками (и пользуются до сих пор), не утруждая свой мозг творческим подходом к реальности, как того требует диалектика. Теория марксизма и теоретики марксизма - объекты веры. К сожалению, это так.

Но дело здесь не во влиянии оппортунизма, как пишет автор, а в особенностях психики человека и в сложности диалектики для восприятия человеком. Тем более, человеком, не имеющим специальной подготовки. В вузах СССР читался курс диалектического материализма. Какой процент выпускников освоили эту науку, сделали законы и категории диалектики инструментами своего мышления? Риторический вопрос. И оппортунизм здесь ни при чем. Просто делать диалектику инструментарием своего мышления способен далеко не каждый. Сравните, к примеру, интеллект К. Маркса с интеллектом Л. Брежнева, не говоря уже об интеллектах многих рядовых партийцев.

По своей сути оппортунизм - деятельность представителей левых партий в пользу буржуазии независимо от того, делается это сознательно или по глупости, в силу не понимания, не умения разбираться в политике. Но с психологической точки зрения природа этих оппортунизмов - разная. Сознательный оппортунизм проявляется в деятельности предателей, провокаторов, ренегатов, агентов влияния. Как правило, это люди, работающие на спецслужбы. Примеры такой публики: Горбачев М., Яковлев А., Шеварднадзе Э. Оппортунизм неосознанный - это позиция членов выборных партийных органов, рядовых партийцев не умеющих дать верную объективную оценку оппортунистическому руководству, послушно выполняющему преступные решения и указания. Оппортунизм стадности. Оппортунизм по недомыслию. Ярким примером такого оппортунизма является нынешнее положение в КПУ: партийное руководство ведет настоящую войну против Союза рабочих, а члены партии, включая рабочих, помогают ему в этой войне. Парадокс, но факт. Конечно, оппортунизм влияет на рабочее движение, и все же нам следует различать его природу.

Автор пользуется выражением «синдром парламентаризма» как «продолжение наследственной болезни «коммунистический кретинизм», берущий свое начало в глубоких недрах социалистического строя». Такое рассуждение свидетельствует, что автор выступает против социалистического парламентаризма. Странно, автору известны другие формы управления обществом? Судя по тексту, автор обвиняет в наличии «синдрома парламентаризма» нынешнюю КПУ. Т.е. он имеет в виду парламентаризм буржуазный. Сравнимаются несравнимые вещи. Можно, конечно, сравнивать парламентаризм социалистический и буржуазный, но это тема отдельного разговора. Хаотичность изложенной мысли затрудняет ее понимание.

Автор пишет: «до сих пор нет серьезного научного анализа причин катастрофы коммунистической системы». О какой «коммунистической системе» идет речь? О коммунистическом движении? О содружестве стран социализма? Из дальнейшего текста следует, что автор имеет в виду распад СССР. Снова - неточность употребления терминов, которая запутывает понимание текста.

Очевидно, распад СССР - эту геополитическую катастрофу, - следует рассматривать как составляющую кризиса международного коммунистического движения. Это - тесно связанные между собой процессы. А значит, они имеют и общие причины, и анализировать эти процессы нужно раздельно, держа в уме, что это части общего.

Что касается распада СССР, то литература такая есть. Насколько полно авторы освещают проблему - это вопрос другой. Но есть книги, заслуживающие внимания. Вот некоторые из них: Шевякин "Разгром советской державы", Шутов А.Д. «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств.», его же - «На руинах великой державы», Кара-Мурза С., - «Советская цивилизация», его же - «Опять вопросы вождям», его же - «Маркс против русской революции», Болдин В.И.- «Крушение пьедестала», Валовой Д. - «Ослепленные властью» и др. Материал для обобщения и концентрированного изложения есть. А вот Академии общественных наук при ЦК КПСС - нет. Поэтому такую работу должны выполнить люди, чувствующие большую потребность прояснить ситуацию, сложившуюся в коммунистическом движении.

Автор удивляется: как мог СССР проиграть «холодную войну», если «соотношение сил противоборствующих стран в момент его развала было значительно благоприятнее для

СССР, чем в канун схватки с гитлеровским фашизмом». Странное рассуждение. "Холодная война" - это новый вид противоборства между империализмом и социализмом. (см. Крысько В. - "Секреты психологической войны" - цели, задачи, методы, формы, опыт) СССР оказался не готов к такому противоборству. Потому и проиграл. Кроме того, «холодная война» не единственная форма такого противоборства. Противник активно использовал диверсии. Ему удалось убрать высшее руководство страны. Провести своих людей в высшие органы партии и КГБ. Т.е. фактически - парализовать высшую власть страны. Противник активно использовал ошибки и просчеты партийного руководства за все годы советской власти. И в этом деле свою роль сыграли провокаторы.

Рассуждение автора о провокаторах более чем странно. Он пишет, что «предательство партийных лидеров противоречит марксизму, согласно которому «общественное бытие определяет общественное сознание». Это - совершенно искусственная конструкция мысли, в которой автор пытается объединить вещи, которые не имеют никакого отношения друг к другу.

Проблема соотношения общественного бытия и общественного сознания - это тема отдельного разговора. Здесь только нужно заметить, что эта марксистская формулировка спорна. Практика ее не подтвердила. За годы советской власти для многих граждан СССР идеалы социализма так и не стали духовными ценностями. Даже рабочий класс или пассивно наблюдал, как рушилось его государство, или помогал рушить его. Почему-то социалистическое общественное бытие не сформулировало социалистическое общественное сознание у многих своих граждан, партия не смогла внести идеи социализма не только в сознание трудящихся, но даже в и сознание партийцев. Формальная партийность без идейного насыщения - такова печальная реальность, которая заставляет изучить этот феномен. Такое сознание советских людей было одним из факторов, позволивших противнику выиграть «холодную войну». Такое сознание обусловило ту легкость, с которой советские люди приняли буржуазные порядки, буржуазный образ жизни.

Говоря об общественном бытии и общественном сознании, нужно заметить, что в социальной сфере законы действуют не абсолютно, как в природе, а как тенденции. В этом их особенность, и эту особенность нужно учитывать при рассмотрении проблем жизни общества. Поэтому, даже если бы сработало положение - "общественное бытие определяет общественное сознание" - это не значит, что каждый член общества испытал бы на себе особенности материальной жизни общества. Ведь в СССР были и преступники, и хулиганы, и люди с невысоким уровнем духовной культуры, и карьеристы, и бюрократы, и жестокие и прочая, и прочая, и прочая.

Были и предатели. Тема предательства разработана наукой недостаточно. Но все же литература по этой проблеме есть. Например: Бурцев В. - «В погоне за провокаторами», Николаевский Б. - «История одного предателя», Жухрай В. - «Провокаторы». Есть моя книга - «Провокаторы, предатели и ренегаты» (в коммунистическом и революционном движении, дайджест, портреты собраны за 100 лет). Есть и другая литература. К большому сожалению, общественность, и, в первую очередь, коммунисты, практически не знакомы с этой проблемой. Поэтому не могут «вычислять» предателей, давать им объективную оценку. А это - благоприятные условия для их безнаказанной деятельности по сей день. Это - во-первых. Во-вторых, провокаторы, предатели - это, как правило, работники спецслужб, специально засылаемые в левые организации или завербованные из активистов левого движения. В публикациях о Горбачеве М. можно встретить информацию о том, что западные спецслужбы вели его начиная с того времени, когда он был еще секретарем обкома комсомола. Такое вполне возможно. Это была тщательно подготовленная, глубоко законспирированная операция с дальним прицелом. И как видим, она блестяще удалась.

Автор называет ряд негативных сторон социализма. С отдельными положениями можно согласиться. Есть положения, требующие обсуждения. Для того чтобы вести конструктивный разговор о социализме, называть его позитивные и негативные стороны,

все-таки, очевидно, нужно дать этому термину научное определение. Т.е. создать микросхему, микро-план того общества, которое предполагается построить. Обсудить возможные варианты реализации такого проекта. И с таких позиций дать оценку тому, что называлось социализмом в СССР. Говорить об истории досоциалистического общества проще: что было, то было. Говорить о социализме, который был, значительно сложнее - он не был итогом естественноисторического развития. Он был итогом реализации партийных программ и реальных исторических условий и возможностей. Социализм, который был, - это была попытка прорыва в будущее, попытка реализации представлений об обществе будущего. Поскольку реальный социализм в СССР потерпел крушение, естественно возникают вопросы: насколько объективны были программы, в соответствии с которыми строилось общество, насколько объективной была деятельность по строительству этого общества. Таким ли был социализм, каким он должен был быть? Или социализм должен быть каким-то другим? Эти и созвучные им вопросы сегодня остро стоят перед теми, кто считает себя искренним защитником интересов трудящихся. Поэтому, трудно критиковать социалистическое прошлое, не зная каким оно должно было бы быть. Было бы хорошо, если бы автор попытался дать определение термину "социализм".

Особой темой разговора должна быть личность Сталина. Его сторонники и противники впадают в крайности. Первые абсолютизируют его позитивные качества и не хотят видеть негативных сторон. Вторые видят только негативные стороны и не хотят слышать о позитивных его качествах. Портрет Сталина И., максимально приближенный к реальности, очевидно, может быть создан только с учетом всех сторон этой противоречивой личности. Во всяком случае, он тоже приложил руки к деформации партии. При нем была окончательно уничтожена критика в адрес партии и ее руководителей. А без критики нет и быть не может прогресса. Отсутствие критики стимулировало застой и в сфере экономики, и в социальной и духовной сферах. Отсутствие критики создало благоприятную атмосферу для деятельности провокаторов. И, в конце концов, привело к тому, что партия не выдержала испытания ни властью, ни психологической войной. Панегирики Сталину И. - это необъективный подход.

Конечно, классики марксизма были мыслителями, но из этого совсем не следует, что они не могли ошибаться, нельзя считать мысль истинной только потому, что она изречена мыслителем. Истинной является только та мысль, которая успешно подтверждена практикой. Так утверждает материалистическая философия: критерием истины является практика. К сожалению, ряд мыслей, высказанных Марксом К., Энгельсом, Лениным В., другими марксистами не получили подтверждения на практике. Такова реальность, и мы должны воспринимать эту реальность объективно, не делая из мыслителей святых, а из их учения - объект веры. Тем более, автор сам отмечает этот феномен как негативный.

Можно продолжать рассматривать отдельные положения статьи, вызывающие вопросы или возражения. Идя по такому пути, есть риск потерять из виду саму тему. А тема распада СССР требует всестороннего обсуждения. Мы будем возвращаться к обсуждению этой темы. Было бы хорошо, если бы автор попытался сгруппировать причины распада СССР, выделив конспективно причины основные и производные от основных, внутренние и внешние, объективные и субъективные. Тогда разговор будет более конструктивным. И все же для Товарищества темой № 1 остается - причины кризиса коммунистического движения. Очевидно, здесь и корни причин развала СССР.

Отрадно то, что автор ищет ответы на трудные вопросы, которые время поставило перед людьми думающими. При наличии потребности в истине и воли для организации поиска истины рано или поздно ответы на трудные вопросы современности непременно будут найдены.

Из других изданий

Из книги «Капитализм в нашем доме»

*Суименко Евгений Иванович,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела социологии НАН Украины*

Панорамное видение современного многообразия общественного развития позволяет утверждать, что социализм рождается из синтеза социально-экономических, политических и идеологических предпосылок и элементов, которые, с одной стороны, появились и во все большей степени появляются, и будут возрастать в недрах индустриально развитых капиталистических обществ, и, с другой стороны, сложились и ограниченным образом структурировались в раннесоциалистических обществах с ярко выраженными коллективистско-общинными, государственническими традициями и тенденциями социального (внеэкономического) регулирования хозяйственного процесса. В первом случае мы имеем дело с предпосылками социализма, во втором - с его элементами. Иными словами, мировая система социализма способна сформироваться - и, вероятно, будет формироваться - путем «сложения» (синтеза, взаимодействия, взаимодополнения) раннего социализма как дивергентной ветви исторического процесса и формирующихся в недрах развитого капиталистического общества предпосылок и, очевидно, некоторых элементов посткапиталистического социализма. Таким образом, мы имеем своеобразную триаду формирования мирового социализма: появление раннего, «дивергентного» социализма – диффузное формирование предпосылок социализма в недрах капиталистического общества как процесс его самоотрицания - появление посткапиталистического, структурно сформировавшегося социализма на основе диалектического синтеза позитивных приобретений дивергентного социализма и «постиндустриального» капитализма. В теоретическом мышлении представителей различных школ и течений науки о социализме эта триада, как правило, разрывается на отдельные фрагменты – и тогда либо абсолютизируется роль и значение дивергентного социализма, перманентных революционных скачков в качестве механизма его появления и развития, либо становление социалистического общества усматривается исключительно в процессе «социализации капитализма», длительного накопления внутри капиталистической системы его предпосылок и элементов, либо, наконец, долгожданный социализм предполагается как посткапитализм, как закономерный и мгновенный финал вконец исчерпавшего себя капитализма и одновременно как антипод несостоятельного, «мутантного» социализма. Последовательный марксизм, по логике методологических требований к социальному познанию, уходит от соблазна навязываемой «духом времени» фрагментации исторического процесса и, признавая неизбежность «односторонностей» в нем, пытается связать воедино революционные скачки (дивергенцию), постепенность вызревания социалистических начал в недрах капитализма и, наконец, синтез этих последних с приобретениями дивергентного социализма и определить логику этой связи. Постараемся последовательно охарактеризовать составляющие этого сложного процесса - социализм как дивергентную ветвь общественного развития и социализм как самоотрицание капитализма.

Дивергентный социализм - раннесоциалистическое образование. Характеризуя его, необходимо провести принципиальное различие между пониманием социализма как дивергентной ветви развития и пониманием его как социально-исторической мутации, о чем говорилось выше. «Мутация» в данном случае является случайным выбросом или преходяще-закономерным (локально-закономерным) явлением, не изменяющим по существу породившего ее общественного строя, и не может содержать конструктивных и жизнеобеспечивающих механизмов «нормального» развития общества. Иными словами, она изначально обрекает общество на гибель. В рассматриваемом случае «мутация» - всего лишь неудачное и некорректное наименование того, что действительно было первым и не

очень добротным всходом социализма, имеющим слабые и сильные стороны, свой негатив и позитив. Характерно, что авторы концепции «небытия» или «мутантности» социализма в СССР перед лицом неоспоримых фактов то и дело вынуждены признавать «исторические заслуги социализма(!)». На признании этих заслуг спотыкается А.В.Бузгалин. Запутывается в противоречиях с самим собой А.А.Мороз, то заявляя, что «социализма не было», то воздавая должное «новым социалистическим формам» и «социалистической экономике» бывшего Советского Союза. Логика мутации непостижима. Логика дивергенции очевидна и убедительна. Здесь, вполне естественно, возникает вопрос: что же понимает автор под дивергентным социализмом?

Переход общества от феодальнообщинного строя к капиталистическому, наглядно прослеживаемый в течение пяти столетий (XV-XIX), включил в себя и дивергенцию, смысл, которой уже передан в приводимой в первой главе схеме. Окончательная победа капитализма, с одной стороны, похоронила классический феодализм, сохранив на задворках истории его модифицированные остатки, с другой - стимулировала жизнеспособные элементы прежней системы к историческому самовоспроизводству и развитию, что и привело к уже известной дивергенции - появлению «промежуточного» общества, раннесоциалистического образования.

Здесь уместно вспомнить как известные предположения К.Маркса и Ф.Энгельса о близости к социализму стран и народов, сохранивших в себе «общинные традиции», так и цивилизационные подходы к трактовке восточной ментальности как «коллективистской» и западной - как «индивидуалистической». Восприимчивость стран с общинными традициями к социалистическому мировосприятию неоспорима. Предполагая грядущее революционное движение в России, Ф.Энгельс в письме к М.Н.Горбуновой от 5 августа 1880 г. писал: «...Можно ожидать, что это движение вовремя окажется достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнее стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть». Еще четче близость коллективистской «общинности» к социализму подчеркнута им в другой работе: «...Те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу».

Нечто подобное, но более расцвеченное диалектикой исторических перипетий, еще задолго до

Энгельса было высказано Герценом. Некоторые из этих высказываний заслуживают того, чтобы их процитировать.

«Община спасла русский народ от монгольского варварства и от имперской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти, она благополучно дожила до развития социализма в Европе».

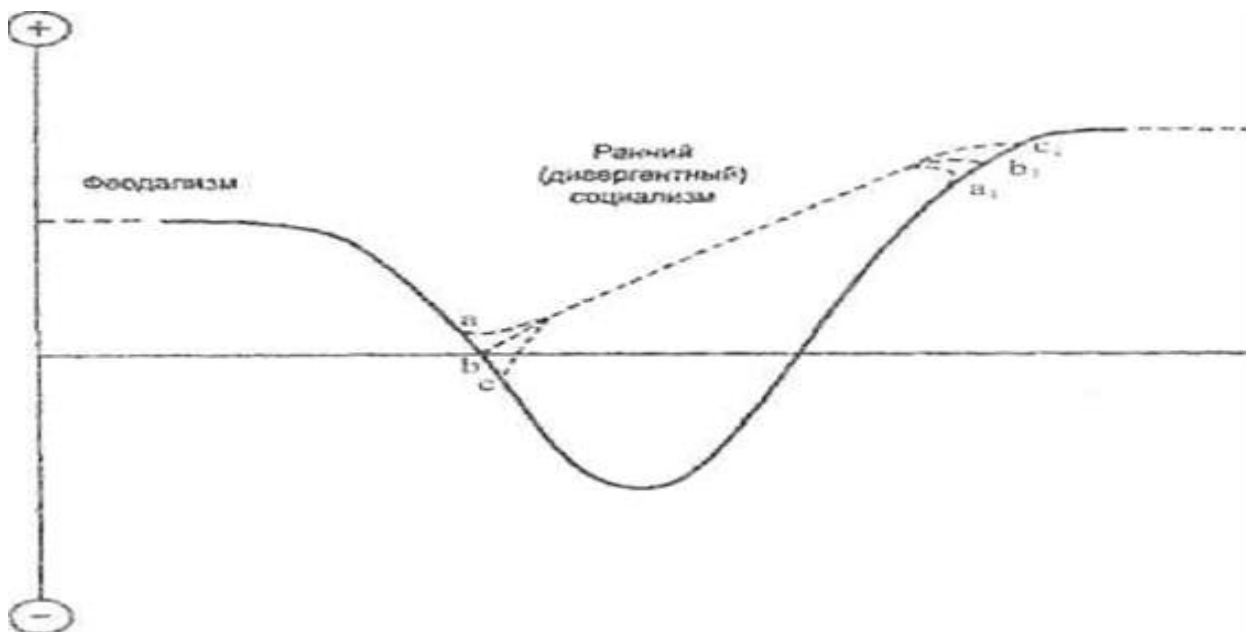
«Что ж тут удивительного, что видя народ общинный, артельный, со своим понятием о праве на землю и о круговой поруке, живущего в каком-то чужестранном государственном неустройстве, которое ничему не удовлетворяет, ни, наконец, даже защите границ, нашлись люди, которые предположили, что этот народ ближе к осуществлению экономического, то есть социального переворота, чем римско-феодальная, мещанско-индустриальная Европа?»

«Что же нелепого в предположении, что новые общественные формы, новые экономические основы прозябнут и разовьются в других странах, мало имущих с бродящими и неустроенными силами, с несложившимися складками, - пока пышный цвет прежней жизни будет доцветать до утраты последнего яркого лепестка?».

В последнем высказывании прослеживается в зародыше идея дивергентного социализма. Версия этого социализма по существу прозвучала и из уст К.Маркса,

признававшего особый путь России к социализму: «...В России, вследствие исключительного стечения обстоятельств, сельская община, которая еще существует в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно потому, что она является современницей капиталистического производства, она может уловить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии».

Процитированное положение полностью вписывается в ранее предложенную мной схему. Если детализировать фрагмент этой схемы, характеризующий процесс дивергенции, он будет выглядеть следующим образом:

Предложенная схема, можно надеяться, характеризует лишь общую историческую тенденцию и не претендует на безукоризненность ее деталей (так, может статься, что последующие за дивергентными конвергентные ветви в точках схождения с основной линией развития окажутся способными менять последовательность «стыковки», то есть иметь вид «дуги вверх» и «дуги вниз»). Это вполне естественно и объяснимо, ибо - опять же - историческое всегда богаче логического. Можно лишь предполагать, что точки бифуркации, которые реально обозначились в схеме исторического процесса в момент «ухода» феодализма и «прихода» капитализма (a, b) и стали началом дивергентных процессов, ведущих к «восоединению» с основной линией исторического процесса в точках (a1, b1) окажутся на порядок ниже точки (c1), в которую группа стран, дивергирующая в более поздний период формационного времени (из точки c), может придти гораздо быстрее, обогатившись приобретениями более развитого (экономически, технически, технологически) капитализма.

Приведенная гипотетическая схема, если только она имеет научный смысл, предрасполагает к поискам ответов на те вопросы, которые вытекают из логики и содержания ее построения. Являются ли дивергентные процессы наиболее важными и ответственными фазами становления нового общественного строя или такой определяющей фазой является глобальный «посткапитализм»?

Исчерпываются ли революционные фазы превращения капитализма в социализм дивергентными «прорывами» (a,b, c) или они возможны (необходимы) и при интенсивной

«стыковке», конвергенции в качестве «второго издания социалистической революции», превращающей эволюционно-революционным путем развитый капитализм в посткапиталистический социализм (a1, b1, c1)? И, наконец, самое главное - как «поведет» себя изживающий исторические сроки капитализм: произойдет ли глобальная «посткапиталистическая революция» или острота превращения ограничится бурным вхождением все более набирающих интенсивности и сил дивергентных процессов (в том числе новых) в готовый к этому превращению, исчерпавший себя капитализм? Трудно ответить на все эти вопросы. Поэтому резонно ограничиться попыткой ответа на один, более простой вопрос: какие факторы исторического процесса лежат в основе дивергентного социализма, вызывают необходимость его появления?

Отсчет появления дивергентной ветви развития раннего социализма можно вести с различных точек (a, b, c), в зависимости от того, на какой стадии перехода (a, b) от феодально-общинного общества к капиталистическому или на стадии развития (c) уже утвердившегося капитализма произошел исторический «всплеск» дивергенции. В перманентном ее процессе историей были «проиграны» все три варианта - a, b, c (историческое богаче логического!), ибо в формирование раннего социализма были вовлечены, как страны, уже вступившие в капитализм (c) - Россия, ГДР, Чехословакия и др., так и страны, лишь подошедшие к нему (a), - Китай, КНДР, Монголия, Вьетнам, или оказавшиеся на «пограничной полосе» (b) - Куба.

В периоды перманентных обострений внутреннего кризиса капитализма, когда его экономические, социальные и экзистенциальные пороки встречают резкое противодействие со стороны угнетенных классов, наций и народов, уклад жизни, быт и историческая память которых сохранили коллективистско-общинные начала и ценности их предшествующей истории, происходит отталкивание (отторжение, отделение) новых общественных образований от «генерального курса» истории, каковым является переход капитализма на новую и высшую фазу своего развития. Известная ленинская версия «слабого звена» здесь не противоречит исторической логике дивергенции с той лишь оговоркой, что «высшая стадия» оказалась более жизнеспособной, допускающей иные этапы и формообразования капитализма, чем это предполагалось. Дивергенции именно и происходят в слабых звеньях империализма, но сомнительным при этом является положение, что революция в России, как и последующие за ней революции в ряде других периферийных стран, явились продуктом исчерпанности капитализма.

Раздвоение хода исторического процесса на конфронтующие линии развития (в точках a, b, c) содержат скрытый мотив, «провиденциализм» истории, которые придают этому процессу отнюдь не мутантный, а большой созидательный смысл: развитие в форме взаимостолкновения крайностей, полярный характер взаимодействующих сил понуждают каждую из противоположностей (капитализм-социализм) максимально актуализировать свой исторический потенциал, функциональный алгоритм своего существования. Для капитализма - это выживание и экспансия за счет научно-технического прогресса и уравнивания (регуляции) конкурентных отношений. Для формирующегося социализма - наработка своих качественно новых начал, свойств, атрибутов и ценностей функционирования и развития экономики и коллективно-эгалитарного образа жизни, то есть тех начал, появление которых принципиально невозможно в пределах капиталистического строя и возможно лишь за его пределами, что, собственно, и явилось причиной дивергенции. Важным моментом, характеризующим особенности дивергентного социализма, является то, что он только и способен сформироваться на основе социально-классовых конфронтации и закрытости, оберегающей слабые ростки нового общества от более мощного и всесильного, враждебного по отношению к нему буржуазного мира. Этой истины не приемлет и никак не хочет понять демократическая интеллигенция, требующая открытости там, где она преждевременна и непозволительна, и всю громящая большевизм и сталинизм за их «диктаторскую» сущность. Именно закрытость

дивергентного социализма, ставка на собственные силы и ресурсы развития обусловили его многосторонние успехи и исторические завоевания ценой известных издержек.

На крайне важной социально-исторической роли «закрытости», отстраненности раннего социализма от остального, капиталистического мира следует сделать особый акцент. Дивергенция как способ формирования раннего социализма, помимо отмеченных выше причин своей неизбежности («незаглохшие» коллективистско-общинные начала), призвана была выполнить такую основополагающую миссию, как формирование социалистического способа производства, которое, по научным прогнозам К.Маркса, не способно осуществиться в рамках капиталистической системы и может быть явлено миру лишь за его пределами. Отношения общественной собственности в отличие от всех других форм частной собственности (рабовладельческой, феодальной, капиталистической) не могут сформироваться в недрах предшествующих общественных строев. Если все досоциалистические революции, как известно, только приводили в соответствие политические формы государственного правления с уже сложившимися в недрах старых систем производственными отношениями, то социалистические отношения начинают формироваться лишь с захватом политической власти трудящимися классами, использующими свое политическое господство (диктатуру пролетариата) для их создания. Именно по этой причине истории «понадобилась» дивергентная ветвь развития, обещавшая в далекой перспективе втянуть в себя весь мировой исторический процесс.

Однако, создав благодаря конфронтации с капитализмом собственный социально-экономический базис (исходный алгоритм) нового общества еще в неразвитом и крайне несовершенном виде, раннесоциалистическое образование («дивергентный социализм») исчерпало свой исторический ресурс, что в итоге привело к появлению новой общественной потребности дальнейшего развития - к необходимости наработки позитивных черт иной, противоположной системы, то есть к необходимости гомеостазиса, своеобразного синтеза ценностей и жизнеспособных элементов различных систем. Возникла потребность «возвращения к старому», то есть к капитализму. Конечно, родовое единство человеческого общества не позволяло ему долго пребывать в дивергентном состоянии, и как только ранний социализм спродуцировал в себе новые структурные элементы, способные конструктивно интегрироваться в систему высшего порядка, дивергентный процесс уступил место конвергентному (что отнюдь не означает его «мирного характера!»).

Здесь естественно возникает вопрос: а почему, собственно говоря, происходит и должен был произойти этот «якобы возврат» к старому? Неужели «дивергентный» социализм, набрав историческую силу и энергию и будучи новым, прогрессивным общественным строем, не способен был сокрушить капиталистическую систему и выйти победителем в «холодной войне»? Возможно, и мог бы. Но логика исторического процесса принуждает нас критически отнестись к этой возможности. Дело в том, что капитализм по своей мобильной, конкурентной, инновационно-предприимчивой природе экономически продуктивен, тогда как социализм, в основе которого лежат отношения общественной собственности и коллективизма, прежде всего социально неэффективен. Это две противоположности, одна из которых (капитализм) ускоренно и жестко работает на создание материальных условий реального гуманизма, а другая (социализм) – на само функционирование, существование отношений этого гуманизма. Иными словами, социализм способен появиться тогда, когда капитализм создаст для него надлежащие условия (и тем самым исторически исчерпает себя). Спрашивается, были ли такие условия в начале прошлого века в стране тяглового плуга и крестьянской сохи? Условий для его появления и утверждения не было. Условия для его формирования были. И это формирование, отвечающее логике дивергентного процесса и формуле Маркса о генерировании социалистического способа производства за пределами капиталистического, происходило двумя путями: внеэкономическим, политическим («административно-командные методы») и экономическим (модифицированные методы

капиталистического хозяйствования). Первый путь был необходим и эффективен в условиях обострения внешних противоречий, трансформировавшихся в механизм мобилизационного режима и командно-административной регуляции; второй - в условиях затухания (или разрешения) внешних противоречий и оживления внутренней мелкособственнической стихии, когда социализму приходилось модифицироваться в капитализм в главенствующей сфере общества - хозяйственной жизни. Модификации подобного рода стали прелюдией к реставрации капитализма*.

* *Здесь невозможно не процитировать одно из последних высказываний А.А.Зиновьева: «Коммунизм, улучшая материальные условия людей, тем самым готовил своих собственных могильщиков» [98, с. 11]. Разумеется, речь идет о том «коммунизме», имя которому - советский (ранний, «дивергентный») социализм.*

Социализм отступил, но не погиб. Очевидно, так распорядилась диалектическая логика истории: дальнейшее продвижение человечества к социализму более высокого качества невозможно без дополнения материально-технической и хозяйственной его базы («собственной» основы) той новейшей материальной базой, созданной современным развитым («постэкономическим») капитализмом, без которой более высокая ступень социализма обойтись никак не может. В свою очередь, дивергентный социализм не прошел бесследно для человеческой истории, поскольку влияние его на капиталистический миропорядок неоспоримо. Уже в кейнсианской модели «выживания» ощутимо непосредственное влияние социалистических начал на классический либеральный капитализм (хотя сам Д.Кейнс всячески открещивался от социализма), а после Второй мировой войны, когда фронтально развернулась «социализация» стран Восточной и Центральной Европы и неотвратимой стала потребность в централизованно-плановом регулировании деятельности ВПК и гуманизации социальных отношений в развитых капиталистических странах, конвергентный процесс в последних приобрел заметный и интенсивный характер. В структуру капиталистического общества 1960-1980-х годов все чаще стали проникать элементы планирования, государственного контроля, общественных начал, ценности духовной культуры и коллективистской взаимоподдержки, эгалитарные принципы организации институтов науки и образования и т.д. Среди разнообразных модификаций этих начал следует отметить федеральную контрактную систему в США, социальное планирование во Франции, пятилетнее развитие национальной экономики в Японии и Южной Корее, программы социального инвестирования, пенсионные фонды и фонды содействия, «кружки качества» в Японии, «рабочие группы солидарности» во Франции, «народные дружины» в Англии и т.п. Особую роль в «достройке» гомеостатической основы развитых индустриальных и «постиндустриальных» стран Запада сыграло появление в их хозяйственной жизни коллективно-корпоративных форм собственности, на началах которых ныне функционируют уже упоминавшиеся ранее «экономика участия» и «экономика, управляемая трудом»: деятельность Мондрагонской кооперативной корпорации (МСС) в Испании, рабочих корпораций США (по программе ESOP), японских промышленных общин (своеобразная модификация средневековых общин...), израильских киббуц и многих других хозяйственных организаций.

Наконец, - и, возможно, самое главное, - претерпевает противоречивые изменения сама парадигма капиталистического образа жизни - мотивация экономической деятельности, традиционный принцип которой «быть, чтобы иметь» уступает место новому принципу «иметь, чтобы быть».

Безусловно, нельзя объяснять все происходящие изменения, возникновение отмеченных и других черт-противовесов исключительно влиянием социалистического строя, ибо и сам капитализм на пути своего исторического самоотрицания породил в себе подобные черты и элементы, которые, с одной стороны, подчиняются качеству (алгоритму) его системы, а с другой - вступают с ним в противоречие и расшатывают его основы. Если

классическая марксистско-ленинская теория, основанная на революционном опыте дивергентного социализма, делала акцент на отрицание капитализма «внешними» по отношению к нему силами («отстраненным» от него пролетариатом, а затем и возникшими социалистическими государствами), то современное видение дальнейшего процесса предполагает отрицание капитализма его собственными внутренними силами, то есть его самоотрицание и самопревращение в социализм более высокого исторического качества. Современный «постиндустриальный» капитализм полон диалектики самоотрицания. В решении вопроса о путях развития капитализма, как уже отмечалось выше, представляется важным разграничение двух принципиально разных видов присущих ему противоречий - противоречий, преодолеваемых капитализмом в ходе своего воспроизводства и развития и возносящих его на новые, более высокие ступени исторического процесса, и противоречий сущности, способных разрешиться лишь путем революционного перехода к новому общественному строю. Смещение этих двух видов противоречий затемняет теоретическую картину диалектики капитализма и делает проблематичными диагнозы и прогнозы его состояния и развития. Декларации по поводу наступления эры «посткапитализма», попытки проигнорировать такие критериальные признаки капитализма, как отношения частной собственности на средства производства и прибавочная стоимость в качестве механизма социально-экономической эксплуатации, и выдать радикальные научно-технологические и «человеческие» изменения в производительных силах общества под вывесками «постиндустриализма», «интеллектуализации собственности» или «информационной революции» за «посткапитализм», прежде всего, паразитируют на этом смещении, ибо формула Маркса о неизбежности разрешения противоречий между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения путем революционного перехода к социализму оказалась более приложимой к характеристике противоречий воспроизводства и развития, нежели к характеристике противоречий сущности.

Разрешение противоречий сущности капитализма в качестве исторической необходимости или как уже свершившегося факта признается сегодня большей частью ученых самой разной идеологической (политической) ориентации, за исключением разве что некоторых рьяных рыночников-неолибералов или правых социалистов, с большим запозданием причаливших к берегу благословенной буржуазной земли и ломающих теперь головы над определением наконец-то обретенного ими «рая»: то ли это «гуманизированное рыночное общество», то ли «социализированный капитализм». Западные же мэтры от науки называют происшедшие (или происходящие) изменения «постэкономизмом» или даже «посткапитализмом», обращаясь при этом к классическим категориям политэкономии (в том числе и к марксистской) - «труд и капитал», «товарное производство», «закон стоимости», «прибавочная стоимость», «эксплуатация», «общественный характер труда» и т.д., разбавляя их такими неологизмами, как «исчезновение труда», «интеллектуальный капитал», «социальный капитал», «индивидуализация труда», «индивидуализация собственности», «единство труда и капитала», «соединение труда и средств производства» и многое другое. Конвергентные идеи прошлого уступили место идее постмодернити западных стран-лидеров и модифицировались в концепции, исключаящие какой-либо компромисс и тем более синтез ценностей капитализма и социализма (коммунизма).

Не вдаваясь в пространный анализ представлений о «посткапитализме» и путях к нему стран и народов, хочу отметить главное.

Нелады с диалектикой перехода капиталистического общества в свою противоположность - в социалистическое общество на основе общественной собственности на средства производства со всеми исторически приемлемыми ее формами (индивидуальной, коллективной, общенародной) - демонстрируют попытку сохранения в «посткапитализме» отношений частной собственности под другими ее наименованиями. Так или иначе, но модифицированный, измененный, превращенный и т.д. капитализм все же остается!

Принципиального разрыва с ним не происходит. Половинчатый, расплывчатый, не доведенный до логической завершенности характер решений и выводов из анализа взаимодействия труда и капитала привел к тому, что одни ученые обнаруживают в диалектической их связке конструктивное соединение первого и второго (П.Друкер, Т.Сакайя), при котором работник «работает в компании, но не на компанию», а другие – ее деструктивный распад. В последнем случае, по мнению З.Баумана, распад этой связки заключается в том, что современные богачи, персонифицирующие капитал, перестают нуждаться в бедняках как субъектах труда и что пожизненная зависимость между ними отныне перестает существовать. Если в первом случае «посткапитализм» представляет собой некую всеобщую трудовую частную собственность, объектом «эксплуатации» которой является накопленный в громадных масштабах прошлый овеществленный труд (техника и компьютерные сети), то во втором случае он выступает в виде стратифицированного (индивидуализированного) множества фактически независимых друг от друга людей, одни из которых живут за счет ранее накопленных и искусственно воспроизводимых богатств (процентов и финансовых игр), а другие - за счет самозанятости и личной трудовой собственности.

Последнюю версию, похоже, разделяет и В.Иноземцев, который вслед за другими авторами, склонен полагать, что «сегодня, когда главным производственным ресурсом становится информация, а основные средства подавляющего большинства населения воплощены в принадлежащих человеку предметах личного потребления (как производительного, так и непроизводительного назначения), настало время признать развертывание активного процесса перехода от частной собственности к собственности личной, составляющей основу постэкономического общества». По логике В.Иноземцева и авторов, с которыми он солидаризируется, простым (индивидуальным!) нажатием компьютерных кнопок можно будет соорудать высотные дома из крупноблочных панелей и тепловые электростанции, прокладывать железные дороги, производить автомашины и всевозможные комбайны, а также сложную аппаратуру и космические ракеты и, наконец, добывать уголь, нефть и газ. Приходится удивляться, как подобного рода вздор может прийти в голову некоторым именитым ученым. Ведь одно дело - индивидуализация трудовых функций, проистекающая из вещного (техничко-технологического) компонента высокоразвитых производительных сил, и совсем другое - та общественная, социально-экономическая форма, в которой и посредством которой реализует себя эта индивидуализация (разделение труда, обмен деятельностью и ее результатами, распределение произведенного продукта и т.д.).

В.Иноземцев, анализируя «постэкономическую революцию», выделяет в ней три «составных части», а именно: первая - подрыв рыночных отношений на базе появившегося «нового типа свободы» (материальной раскрепощенности), вышеприведенных трактовках «постэкономической (посткапиталистической) революции» В.Иноземцев пытается представить читателю «постэкономизм (посткапитализм)» в таком виде, который бы позволял мыслить эти понятия за пределами исторически изжившего и скомпрометировавшего себя капитализма и не уподобляться при этом прогнозируемому марксистами коммунизму. Отсюда и антидиалектика «соединения труда и капитала», и антидиалектика их распада и разведения по разным углам. Подлинной диалектики сторонники концепцией видеть не желают. И, наконец, самое главное: постэкономизм (посткапитализм) - это ничего и ни о чем не говорящее понятие, разве что признающее необходимость выхода человечества за пределы экономической формации, существование его после капитализма. Осторожность (или трусливость?) научного мышления, заставляющего избегать определения исторического алгоритма нового общественного строя, возводится в ранг достоинства ученейшего интеллекта, не прибегающего к умозаключениям без достаточных на то оснований приходящей на смену «примитивной экономической свободе» [99, с. 268]; вторая - переход от частной собственности к личной (не имеющей никакого отношения к обобществлению труда и производства!) на основе

хозяйственной «самостоятельности» отдельных производителей [там же. с. 271]; третья - утрата корпорацией ее былой экономической роли, превращение ее в «социализированный институт» [там же, с. 275]. Автор постеснялся, очевидно, назвать производственный коллектив своим именем, прибегнув к более «современному» понятию «социализированного института», удобному, между прочим, тем, что оно как-то сглаживает, если не маскирует уж больно заметное противоречие между индивидуальным и коллективным.

Но основания эти есть. Они заложены, пусть даже схематично, в теоретической формуле органического строения капитала К.Маркса и в исторической практике современного капитализма, с которой он вошел в третье тысячелетие, и демонстрирует свой глобальный расцвет, за которым с неизбежностью следует его падение. К прежним, «классическим» порокам - обнищанию трудящихся, эксплуатации и взаимной вражде, товарному фетишизму и самоотчуждению личности - он присовокупляет новые, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, избыточная производительная сила капитала создала губительную не только для правящих кругов и классов, но и для люмпенизированных слоев населения высокоразвитых стран, маргинальной части молодежи роскошь и доступное для многих нетрудовое избыточное потребление. Потребительская деятельность потеснила производительную деятельность, создав в странах «золотого миллиарда» наряду со злом лишения еще и злом пресыщения. Последнее становится более разрушительным и опасным, ведь лишения и нужда способны стимулировать человеческую активность либо на социальный протест, либо на самовывживание, тогда как пресыщенность парализует человеческую волю, опустошает внутренний мир человека, лишает его жизненных импульсов и толкает на путь девиантного поведения или комфортной деградации. Если раньше, при господстве индивидуальной, мелко - или средне-корпоративной частнособственнической практики капитализм уберегала от застоя и разложения необходимость конкурентной активности, то в условиях господства производственно-финансовых монополий и олигополии глобального уровня (ТНК) такой спасательный механизм естественным образом самоупрядняется, обрекая на роскошную смерть паразитирующие слои и круги общества «массового потребления».

Во-вторых, в развитых странах с некоторых пор наблюдается «исчезновение труда», своеобразная его аннигиляция, как вследствие предельного уменьшения переменного капитала, так и вследствие физического уничтожения производимого им «избыточного» (неконкурентоспособного) в условиях монопольной конкуренции продукта*. Производительный труд все чаще напоминает «сизифов труд» в глобальном масштабе. Вместе с тем, приобретающий все большие размеры и изгоняемый за пределы капиталистического авансирования этот труд не может исчезнуть, не вызывая социальных потрясений и катастроф. Государство берет на себя функции оплодотворения его бюджетным финансированием, кредитованием и поддержкой, вследствие чего оторванный от крупного капитала традиционный наемный труд превращается как бы в

* «Избыточная рабочая сила» как следствие тенденции уменьшения переменного капитала дает основание У.Беку для диагноза: «Капитализм не нуждается в рабочей силе и плодит безработицу»: подобные мысли высказывает и немецкий ученый Э.Капштейн: «Капитализм уничтожает труд. Безработица уже не периферийное явление, она затрагивает потенциально всех - и демократию как форму жизни в том числе». У.Бек видит решение возникшей проблемы в появлении нового способа трудовой деятельности, осуществленной в ее некапиталистической форме - в форме формальных рыночных отношений, когда на месте социальной фигуры наемного рабочего и работополучателя как противников капиталиста и работодателя выступает на одной стороне фигура трудящегося - для - себя, а на другой - фигура общественного предпринимателя». Непонятно только, какие общественные силы персонифицирует при этом фигура последнего. Новый, параллельный ему индивидуально-групповой ненаемный, самодеятельный труд, соединенный

непосредственно с собственностью его субъекта (самозанятость, «наемный труд», «рабочие корпорации», «самостоятельные работы», «немонополизированный бизнес», «автономия предпринимательской деятельности» и, наконец, «неформальная экономика»). В этот ряд новых форм труда и производства вписывается и такое явление, которое О.Тоффлер назвал «просьюминг» (от сконструированного им окказионализма *prisoner*, представляющего собой синтез «производителя» (*producer*) и «потребителя» (*consumer*), то есть слова, означающего совмещение в одном лице функции производителя и потребителя, материальных благ). *Prosuming*, таким образом, есть нечто, напоминающее натуральное хозяйство, - работу на себя, разумеется, на новой технической основе. И хотя О.Тоффлер уверенно заявил, что труд «просьюмера» - это «ключевой фактор в новой экономике», вряд ли «просьюминг» способен привести к полному самообеспечению и обойтись без «традиционной макроэкономики». Скорее как попытку закамуфлировать факт массовой безработицы следует расценить предпринятое властями США создание в 90-е годы истекшего столетия около 20,7 млн. рабочих мест на дому (*home based*), что истолковывалось экономистами и социологами как нераздельность рабочего и свободного времени, оплачиваемого, однако, по результатам выполнения принятых заказов.

Понятно, что в условиях товарно-денежных отношений перечисленные формы труда не могут лишиться системного стоимостного качества и должны подчиняться правилам рыночной игры. Весь вопрос в том, способны ли некоторые из них, разрастаясь и структурируясь, довольно долго следовать этим правилам, или предложат свои правила насильственным путем. Возникает и иной вопрос: не являются ли перечисленные выше формы самодеятельного труда отдаленным прообразом спрогнозированного Марксом труда «иног субъекта»? Адам Шафф, полемизируя с теми, кто видит в «исчезновении» традиционного труда всего лишь «возврат к полной занятости», высказывает интересные мысли: «В действительности, же эта глава в истории, в традиционном смысле этих слов, уже закончилась, и человечество, во всяком случае, в высокоразвитых странах (существенная оговорка!), оказывается вовлеченным в цивилизационную мутацию - переход от стадии полной занятости (в смысле наемного труда) к стадии полной обеспеченности занятиями (*full occupation*) вместе со всеми вытекающими осложнениями системы. Эти изменения следует трактовать, по крайней мере, частично, как появление коллективистского (и тем самым в определенной степени социалистического) хозяйства. И никто, и ничто уже не сможет повернуть развитие процесса вспять.

В статье «Срочно требуются новые левые» А.Шафф не проводит различия между понятиями «полная занятость» и «полная обеспеченность занятиями», но и из самого контекста статьи следует, что в первом случае речь идет о занятых в сфере «крупного бизнеса», где работники получают - фиксированную зарплату и не являются собственниками (в лучшем случае владеют незначительными акциями); во втором же случае речь идет о «самостоятельной работе» в сфере малого бизнеса, работники которого, по мнению МОТ, «отличаются от работающих по найму главным образом типом вознаграждения», то есть получают не зарплату, а скорее «денежные выплаты от вложенного капитала, инициативы, предпринимательских способностей, рискованных операций, равно как и своего труда». Таким образом, если определить коротко, «полная занятость» касается категории наемных работников, а «полная обеспеченность занятиями» ненаемных. Вовлечения человечества «в цивилизационную мутацию» - чтобы не выразиться более резко и категорично - потребуются, по мнению А.Шаффа, «новые левые». Иными словами, живой труд, задыхаясь в тисках все более и более сокращающегося стоимостного переменного капитала, может освободиться от них только одним путем - покончить с самим этим капиталом с помощью «новых левых».

В-третьих, в связи с необходимостью постоянной катализации спроса на рынке товаров с целью получения избыточной прибавочной стоимости капиталисты, прибегая к помощи науки (НИОКР), циклически совершенствуют качество и номенклатуру товаров, что, в конечном счете, не просто приводит к их перепроизводству, а к созданию

квазиэкономики - искусственному культивированию чуждых человеческой природе извращенных потребностей (квазипотребностей), квазипроизводству и квазипотреблению.

Квазипотребление, как и квазипотребность, с одной стороны, нельзя смешивать с социокультурным потреблением (потребностью), поскольку эти последние хоть и не проистекают из естественной «человеческой природы», тем не менее, являются жизнеспособным порождением социального и культурного прогресса, но, с другой стороны, их, ни в коей мере нельзя выдавать за подобного рода порождение, когда речь заходит о «высокоиндивидуализированной знаковой ценности» *sign-value*), о престижном, статусном или демонстративном потреблении, о чисто символических ценностях (*symbolic*

*** Экономика подобного рода в последнее время получила название виртуальной и подробно охарактеризована в книге российских экономистов-экспертов «Распад мировой долларовой системы» (М., 2001).*

values), далеко не всегда соответствующих смысложизненным терминальным ценностям. В обществе «массового потребления» вторые потребности и потребление, как правило, выдаются за первые, а их идентификации с нормативными и легитимизированными видами редистрибутивного поведения трудно оспаривать как по идеологическим, так и по когнитивным причинам (ведь даже среди медиков не смолкают споры по поводу границ между нормой и патологией). В такой ситуации остается принять за аксиому, что определяющим критерием квазипотребности (квазипотребления) является разрушение социальных начал человеческой личности и биологического субстрата человеческого индивида. Именно этим критериям отвечает современное индивидуализированное капиталистическое общество ожиревших людей. «Постоянно растущие» потребности людей должны соответствовать способности конструктивного самопроизводства и самовоспроизводства социума. Капитализм, похоже, утратил эту способность. Что касается столь концептуально «удобного» для признания вечности капитализма понятия, как *symbolic value*, то оно способно оправдать лишь живучесть капиталистического образа жизни, но не доказать наличия в нем нормального, конструктивно-функционального человеческого смысла.

В-четвертых, крайне негативным следствием избыточного производства и квазиэкономики является планетарный экологический кризис, поставивший человечество перед выбором: или отказ от сверхпотребления, бешеной и ненужной гонки товарного производства, или гибель планеты. С учетом уже распространившегося на всю планету и стабилизировавшегося глобального экологического кризиса будущим поколениям людей предстоит большая и трудная задача реанимации экосферы как необходимого условия их выживания. Реанимационная деятельность и ее результаты уже не смогут вписываться в товарно-денежные отношения - они станут осуществимыми только в условиях отношений общественной собственности, ибо, как уже было сказано, речь идет о всеобщих условиях планетарной жизни, возможной только в рамках этих отношений.

В-пятых, накопление капитала достигло критического предела, и его продолжение привело к разрыву прямой и продуктивной связи с производством, к абсолютному отделению финансового капитала от производительного, денег - от товара*. Невостребованный производством финансовый капитал сегодня «гуляет» по всему миру в поисках высоких процентов, не подкрепленных стоимостным эквивалентом, ибо объемы торгов, по свидетельству экономистов, при падении котировок акций на фондовых биржах существенно превосходят обороты рынка при их росте. Фиктивный капитал при всей кажущейся мощи, подобно колоссу на глиняных ногах, способен в каждое мгновение обрушиться с такой сокрушающей силой, что капиталистической товарно-денежной экономике уже не выбраться из-под его обломков. Одна эта реальная возможность вызывает в высших кругах делового мира состояние хронического «*under stress*». Она - свидетельство того, что взятие на себя капиталистическим государством и крупнейшими

монополиями функций планирования (программирования) и контроля над глобализированной частнособственнической экономикой имеет предел и что этот предел уже наступил.

** «В джунглях мирового рынка, - пишет У.Бек, - образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных».*

Права Элизабет Боуман, заявив, что «капитализм перестал выполнять свою историческую роль организатора производства» и что «мир финансового капитала вытеснил старомодный мир производственного, промышленного капитала».

В-шестых, ускорение динамики экономической жизнедеятельности капиталистического общества, обусловленное непрерывными разработками товарных инноваций с целью наиболее рационального использования уменьшающейся части переменного капитала, создает необходимость быстрых переливов рабочей силы из одной отрасли производства в другую, от одних рабочих мест - к другим, что приводит к «дженерализации» профессиональной деятельности наемных работников, а значит - и к всестороннему, универсальному их развитию. Агонизирующий капитализм, таким образом, отдает свои последние жизненные силы на благо человеческой цивилизации, рационализируя и интеллектуально совершенствуя человеческую личность. О перемене труда как «всеобщем законе капиталистического производства» писал в свое время Маркс, связывая этот закон с необходимостью постоянного революционирования технического базиса капиталистического производства. По мере уменьшения величины живого труда (необходимого рабочего времени) в техническом (натуральном) строении капитала для работника, прошедшего школу перемены труда в капиталистическом производстве, не составит сложности переключение на свободную трудовую деятельность за пределами необходимого рабочего времени, если для этого появятся надлежащие условия. Но в том-то и беда, что такими условиями капиталистическое общество не располагает (за исключением, разве что, стран «золотого миллиарда»), ибо его товарные отношения одним членам этого общества дают возможность получать прибыль, прибавочную стоимость, которая, по Марксу «прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего», - и тогда они могут позволить себе заняться разными свободными формами элитарной жизнедеятельности, а другим продавать свою рабочую силу, или пополнить ряды «самозанятых», что во всех случаях до предела сужает возможности свободной трудовой самостоятельности в качестве «иного труда» (К.Маркс). Таким образом, «обучив» работника трудовой универсальности, капитализм в то же время не позволяет этой универсальности реализовать себя в свободной, творческой форме саморазвития и самовыражения*.

В-седьмых, суммируя в критическую массу негативы и противоречия капитализма, финальной фазой.

Повышенный интерес к теории перемены труда возник в 1960-е годы в советской общественной науке в связи с «проблемой всестороннего и гармонического развития личности». На страницах журнала «Вопросы философии» прошли тогда, волна за волной, дискуссии о возможности, направленности, личной и общественной значимости этого явления, о связи перемены труда с его разделением. В числе сторонников идеи перемены труда был и автор (см. написанную совместно с Д.П.Кайдаловым книгу «Актуальные проблемы социологии труда» (М.: Экономика. 1974), в которой ряд разделов касался обоснования экономической, социальной и социокультурной необходимости перемены труда в решении, прежде всего экономических проблем социализма). Перемена труда, на мой взгляд, призвана решать проблему перманентного научно-технического обновления производства, а ее отсутствие тормозит этот процесс и делает экономику социализма неповоротливой, застывшей и недееспособной. Эту точку зрения, встреченную тогда в штыки нашими экономистами-«товарниками», я и сейчас считаю научно состоятельной.

Его существования можно считать кризис смысло-жизненных ценностей и мотивации жизнедеятельности личности. Речь идет не о простой, обыденной редукции всех составляющих макросистемы общества в понятный каждому душевный строй человека. Не понадобится большого труда, чтобы за категориями прибыли, прибавочной стоимости, эксплуатации человека человеком и экономической конкуренции увидеть алчность, стяжательство и жестокость. Это понимал еще Гоббс, втиснувший квинтэссенцию человека современного ему нарождающегося капиталистического мира в известную формулу «человек человеку - волк» (или: «война всех против всех»). К сожалению, эта формула на долгие времена оставалась перевернутой каузальностью материальной конструкции капитализма: все виделось и мыслилось наоборот - капиталистический уклад жизни, алгоритм капиталистического общества рассматривались как неизбежное следствие органической порочности и звериной сущности человека. К.Маркс и Ф.Энгельс устранили эту контрверзу, но самое большее, что удалось унаследовать сторонникам их научных идей, - это понимание обусловленности человеческих пороков социально-экономическими условиями жизни людей. Линейность такой детерминации изначально отталкивала многих искателей истины от ложно и не до конца понятого ими марксизма, ибо - как казалось многим - и Маркс, и Ленин, и целые поколения марксистов впадали в преступную наивность, полагая, что достаточно изменить «бесчеловечные» условия жизни на «человечные» - и люди тут же станут вдруг добрыми и гуманными*.

** Подобного рода критику марксизма можно встретить у Э.Фромма, писавшего в одной из своих работ по социализму, что Маркс, «благодаря предположению, что добро в человеке проявится автоматически как только будут достигнуты*

Внимательное прочтение работ классиков марксизма показывает, однако, нечто иное - многомерный, нелинейный, тысячекратно опосредованный характер внешних воздействий на те гетерогенные свойства человеческой «натуры», при всей неизменности матрицы которой она наполняется, в конечном счете, определенным социальным содержанием - ценностями и нормами данного общественного строя. Иными словами, все обстоит гораздо сложнее и, одновременно, намного проще: «человечные» условия жизни лишь постепенно порождают «человечных» людей, но сами эти «человечные» условия чаще всего создаются «бесчеловечными» людьми.

История общества является продуктом необходимости, а не морали. И действует в ней объективная необходимость, а не моральная целесообразность. Алчность, жадность, жестокость и несправедливость всегда осуждались человеческой добродетелью, и тем не менее, именно они оказывались законосообразными и востребованными условиями жизни различных обществ в те или иные периоды их развития.

Самодовлеющая сила «нравственного пробуждения» чаще всего является тем способом или орудием, при помощи которых подавляющее большинство современных ученых Запада надеются изменить существующий общественный строй и что, в традиции научного марксизма, принято называть идеалистическим пониманием истории. Чарльз Хэнди, известный своими радикальными идеями, к примеру, пишет: «Капитализм, каких бы успехов ни достиг, никогда сам по себе не сможет дать исчерпывающего ответа на вопрос «зачем мы живем?»... В конечном счете, нам необходимо новое понимание жизни, отдающее деньгам должное, но не более того». «Новому пониманию жизни», однако, не под силу реальное

Так, страсть к стяжательству в сочетании с неумолимой жестокостью, эти страшные и порицаемые человеческой нравственностью пороки, привели к ростовщичеству; ростовщичество открыло дорогу накоплению капитала, который произвел на свет машинную цивилизацию, науку и технику, приведшие человечество от феодальной дикости и спячки к преддверью «подлинно человеческой истории». Таким образом, осуждаемые моралью человеческие пороки находили оправдание в экономической (и политической)

практике. В соответствии с этим можно сказать, что порок в обществе исчезает не тогда, когда человечество путем индивидуального самосовершенствования «прозревает» и оказывает на него сокрушительное и массивное давление*, а тогда, когда он практически становится никому не нужным, утрачивает законосообразный характер, когда отпадает историческая необходимость в его существовании в качестве деятельностного механизма общественной закономерности и общественного прогресса. Если говорить коротко, то безнравственность исчезает тогда, когда она утрачивает свое функциональное значение в обществе. Требовать же справедливости там, где несправедливость является исторической необходимостью, и выдавать при этом преобразование общества: материальная сила, по научной методологии К.Маркса, может быть опрокинута только материальной силой, созревшей для такой исторической миссии.

Очевидно, среди немногих, кто понимал этот «моральный парадокс», были известный английский писатель Д.Дефо, написавший памфлет под эпатажным названием «Милостыня не есть благо, а обеспечение работой неимущих - пагуба для науки» (1704 г.), а также его соотечественник, сатирик Б.Мандевиль, который в «Басне о пчелах» связывал процветание науки с пороками граждан. Императивы человеческой морали за нечто законосообразное - значит совершенно не понимать сущности и смысла общественно-исторического прогресса. Противоречие между должным и сущим в таких условиях (особенно в условиях рационализованного капиталистического миропорядка) находит разрешение чаще всего в сознательном и циничном подчинении моральных императивов противоречащей им экономической необходимости. Смысл разрешения подобного рода противоречий хорошо высказал однажды один из американских предпринимателей: «Я не хочу жить по законам насилия, но у меня нет выбора». Глубже и диалектичней эмпирически неуследимые метаморфозы моральных пороков охарактеризовал Гете, вложив в уста Мефистофеля мудрые слова, послужившие впоследствии для М.Вебера обоснованием исторической рациональности протестантской аскезы, а многим позже ставшие эпиграфом к «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова: «Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Логика сказанного выше всецело распространяется на эволюцию смысложизненных ценностей капиталистического общества. Известный лейтмотив жизнедеятельности его членов - «быть, чтобы - иметь» - в качестве превращенного в самоцель средства терпит крах не в силу вдруг обнаружившейся его порочности и несостоятельности, а в силу ставшей его функциональной невостребованности и ненужности в условиях решенности имманентных капитализму его исторических задач - создания высокоэффективных производительных сил, техники, технологии и организации производства. Речь в данном случае идет не о том, что на смену «исторически изжившим себя» ценностям и мотивам имеют приходят более возвышенные ценности и мотивы быть, а о том, что, оставаясь в обществе в качестве деятельностных механизмов его существования, ценности и мотивы иметь, тем не менее, утрачивают свою созидательную функцию и конструктивный ресурс и превращаются в разрушительную силу таких масштабов и такого уровня, что человечество оказывается перед дилеммой: либо освободиться от их оков, следуя формуле «иметь, чтобы быть», либо стать на путь самоистребления. Вот почему некоторые ученые полагают, что «историческим пределом развития стоимости является не формирование нетоварного типа производства, а преодоление материального мотива в качестве основного стимула человеческой деятельности». Реализуемая посредством человеческих пороков общественная целесообразность превращается в непосредственную общественную нецелесообразность, как только капитализм завершает «возложенную» на него историей прогрессивную миссию. Наконец, в-восьмых, еще об одном кризисном моменте, приблизившем капитализм к роковой черте. Прошлый овеществленный труд в качестве все более увеличивающегося постоянного капитала благодаря своей стоимостной форме означает то самое отчуждение труда, о котором столь много написано самим Марксом, марксистами и неомарксистами. Органическое строение капитала вскрывает механизм

появления и развития этого явления (товарные отношения) и характеризует тенденцию его усиления до сверхчеловеческих пределов, когда живой труд истребляется, вернее, поглощается прошлым. Отождествление живого труда с его стоимостной формой создает в буржуазном сознании иллюзию, что с исчезновением этой формы исчезает и сам живой труд, то есть деятельностная сущность человека, то есть сам человек как чувственное деятельное существо (так недолго договориться и до концепции «постчеловеческого» общества!). Что же остается (если следовать логике этого отождествления)? Киборгиада или, в лучшем случае, общественный суперорганизм, пронизанный капиллярами информационно-компьютерных сетей, которые, возможно, в недалеком будущем обогатятся «нервными интерфейсами, обеспечивающими прямую связь между нервными клетками и компьютером не только физически, но и ментально». Живой, реальный, земной человек должен быть вытолкнут техникой из им же самим созданного социума. Таким представляется большому сознанию еще один из вариантов финала человеческой истории. Правда, существует и другая версия подчинения живого труда прошлому - возникновение синтеза личности и компьютера, интеграция людей в компьютерную сеть («киберпространство», по Дж. Барло), что при сохранении естественной организации человека принципиально изменяет социальный способ его существования – переход от институциональности и сложных программ репрессии со стороны центра, «господства и подчинения» к индивидуально независимому, децентрализованному и одновременно глобально упорядоченному, скоординированному (по этическим правилам Интернет-игры) существованию «граждан мира» («нетизенов»). В этом случае остается неясным, каким образом будет сохраняться и воспроизводиться род людской, если, разумеется, при этом сохранится запрет на клонирование (да и кто будет клонировать!).

Эти и иные доводы в отношении исторической исчерпанности экономической формации в целом, и капитализма в частности, можно было бы дополнить новыми убедительными аргументами в пользу становления бестоварного, бесклассового, демократического общества с принципиально новыми жизненными установками и мотивами его свободных ассоциированных членов. Из всего многообразия предпосылок и императивов социализма можно назвать две, наиболее очевидные и прозрачные. Первый императив - это вытекающее из глобального экологического кризиса требование социально-коллективистских способов реабилитации опасно «поврежденной» планетарной экосферы, о чем уже говорилось в одном из разделов настоящей главы. Второй императив - социально-коммуникативная, коллективистская природа потребительной стоимости все более приобретающего приоритетное значение в обществе информационного продукта.

Информационный продукт может быть товаром лишь в начальной фазе его производства, но как только он приобретает характер массового тиражирования, он тут же - в отличие от всех других товаров - теряет свою товарную форму, становясь благом для всего общества. Все попытки превратить его в товар путем придания ему правовых норм владения, как показала многолетняя практика, обречены на неизбежный провал. Чего, к примеру, стоит бесполезная борьба с «кассетным пиратством!» Но наибольшую опасность для судеб финансового капитала, технологических игр с целью его приумножения приобрело в последние годы «хакерство», произросшее на неизбежной открытости компьютерных сетей. Это великолепный образчик того, как капитализм сам себя истребляет. Процесс самоотрицания налицо.

К сожалению, этого не понимают (и не хотят понимать!) современные отечественные адепты «рыночной экономики». В свое время в популярной и блистательной украинской газете «Зеркало недели» один из журналистов в весьма пространной статье о компьютерном пиратстве писал о его катастрофических для всей экономики последствиях, приводя пример с историей ИККБ «Донбасс», который внезапно исчез в результате компьютерного ограбления. Приведя множество других примеров, автор справедливо отмечает: «...Сети электронных данных не имеют рубежей. Мошенники используют их без ограничений. Большие денежные средства разворовываются путем их

электронного перевоза за фиктивные услуги из международных банков всего мира на текущие счета тех стран, где правительства не особенно утруждают себя запросами и другими формами проверки... Мы уже начали сталкиваться с явлением, которое имеет потенциал большой разрушительной силы и перспективу дальнейшего нарастания. Предотвратить это зло невозможно. Остается встретить его, как говорится, во всеоружии». Каким образом? И здесь автор, ссылаясь на многолетний (от себя добавлю: но тщетный) опыт западных стран, а также предложения Нацбанка Украины «о создании соответствующей законодательной базы» (на основе «глубоко и детально проанализированной проблемы»!), смело и уверенно апеллирует к силе буржуазного закона. Иного выхода из положения он, разумеется, не видит.

Существующие позиции и точки зрения на рассматриваемый процесс демонстрируют принадлежность противников капитализма к разным полюсам: марксисты с уверенностью утверждают, что грядущее общество по необходимости и неизбежности будет коммунистическим, радикал-демократы, - что оно будет свободной ассоциацией независимых друг от друга индивидов. Искать истину «посредине» (любимое занятие социал-демократов) - порочный и несостоятельный путь, если эта «срединка» означает нечто среднеарифметическое. Правильное решение вопроса предполагает следование логике диалектического синтеза. Речь при этом идет не о синтезе социализма с капитализмом: такой кентавр смешон и возможен только в большом воображении некоторых социал-демократов. Речь идет о диалектическом «снятии» капитализма социализмом, что предполагает определение исходного (или «снимающего») начала во взаимодействии раннего, дивергентного социализма, с одной стороны, и структурирующихся предпосылок и первичных его элементов в процессе активного самоотрицания капитализма - с другой.

Итак, что играет или призвано сыграть определяющую, то есть «снимающую» роль в появлении посткапиталистического социализма: исторические приобретения дивергентного социализма или порожденные самоотрицанием капитализма основные предпосылки и первичные элементы социалистического общества? Вопрос требует однозначного ответа. Постараюсь дать его по мере своего понимания сложного процесса этого «снятия».

Во-первых, в недрах самого капитализма, сколь бы он ни был развит и сколь бы ни обставлял себя «пост» - атрибутами, диалектический синтез невозможен по одной непреложной причине - из-за отсутствия общественной собственности на средства производства в качестве, определяющего весь общественный строй социально-экономического алгоритма, а значит, и в качестве определяющего признака, без которого невозможен процесс «снятия»*. Иными словами, продуктивные и Неомарксисты третьей волны («новые структурные марксисты»-), весьма взыскательные и осторожные в теоретических суждениях, вдоль и поперек исследовав богатейший исторический опыт капитализма и его новейший опыт, пришли к четкому выводу о необходимости обобществления основных средств производства и распределения в качестве неременной предпосылки перехода к социалистическому обществу. Но вопрос о путях, способах, средствах реализации этой необходимости либо оставлен ими жизнеспособные элементы и предпосылки социализма, вызревшие в капиталистической системе (чужеродные по отношению к ней и вместе с тем подчиняющиеся ее алгоритму - отношениям частной собственности), попросту говоря, нечем снимать, поскольку основной, системообразующий элемент социализма - отношения общественной собственности — не может появиться в недрах капитализма и уживаться с ним под одной крышей.

Общество «смешанной экономики», о котором много говорят и пишут в последние годы, - не более чем идеологический миф, навеянный настоятельной необходимостью сбалансирования новейших «социализированных» форм государственно монополистического капитала с конкурентной и оперативной мобильностью мелкого и среднего бизнеса в условиях повышения роли интеллектуализированной трудовой собственности. «Смешанность» подобного рода лишь камуфлирует прежние, неизменные

цели, мотивы и ценности капиталистического миропорядка, не меняя его по существу. Как социально-экономическая общественная реальность она есть не более чем сочетание традиционных капиталистических форм хозяйствования с нарождающимися и подчиненными частнособственническим отношениям просоциалистическими формами производства и социальной жизни. Понимая всю условность гибридизации двух противоположных общественных устройств, современные неомарксисты пытаются провести грань между «смешанным обществом» капиталистического типа и «смешанным обществом» социалистического типа, но без внимания, либо решается невразумительной скороговоркой относительно усиления в процессе эволюции общества функционально-регулятивной социальной роли государства.

Все полагаемое ими различие сводится к тому, что алгоритм социализма (общественная собственность) вместо того, чтобы «носить маргинальный характер, выступать в роли младшего партнера частного сектора, будет доминировать». Итак, согласно логике цитируемого автора, различие между капитализмом и социализмом имеет чисто количественный характер, определяется мерой «доминирования» в социальной суспензии тех или иных разнородных начал.

Во-вторых, из сказанного следует (что, впрочем, уже отмечалось ранее), что «снятие» возможно лишь за пределами капиталистического способа производства (за пределами господствующей капиталистической частной собственности) и что именно это обстоятельство вызвало дивергентный процесс, исторически долженствующий сформировать принципиально новый, социалистический способ производства в его основных, исходных чертах и признаках. И какого бы рода критика ни звучала в адрес элементарных начал раннего социализма - и то, что они представляли собой «тоталитаризм», «государственный бюрократизм», «авторитарный социализм», «номенклатурный социализм» и т.д., - сам факт существования и функционирования на внеэкономической (социальной) основе отношений общественной собственности неоспорим. И здесь важно отметить тот момент, который невозможно не отметить. Любопытная получается картина. Когда речь заходит о развитии капитализма, то все его теневые, негативные стороны и пороки (милитаризм, антагонизм, эксплуатация чужого труда) рассматриваются сторонниками этого общественного строя как «пройденный этап», как неизбежные издержки и трудности на пути к цивилизованному и все более гуманному обществу. В связи с этим резонно поставить два взаимосвязанных вопроса. Первый; если все это так, почему же в таком случае капитализму отпускаются все грехи его преступного прошлого (за многовековую историю!), а раннему социализму, возвращенному в более сложных условиях и в короткое историческое время сумевшему дать миру новые ценности и несомненные преимущества, его грехи не прощаются? Второй: почему капитализму при всех сопровождающих его историю кризисах, провалах и преступлениях даны права, основания и моральное благословение на самоисправление и самосовершенствование, на движение к «высшим формам» человеческого общежития, а социализму в этом отказано? Вопросы, безусловно, риторические. Сам социализм, если он «достоин жизни и свободы», должен практическими делами заявить о себе, добиться своей реабилитации.

В-третьих, процесс снятия отношений капиталистической частной собственности отношениями общественной собственности не сводится к роли «пропускника» этих последних, которые будут осуществлять жесткую селекцию в отношении тех или иных протосоциалистических начал социализма, созревших в условиях капитализма. Очевидно, преобразуя, видоизменяя эти начала-предпосылки, социалистические элементы будут испытывать на себе их воздействие, кое в чем уступая им, в результате чего гомеостатическое состояние' новой формации как системы будет представлять собой динамическое и противоречивое (и потому длительное и устойчивое) равновесие. Прежнее состояние социально-политического социализма с его устойчивым в отношении внешних воздействий коллективистским монолитом уступит место эластичному и подвижному внутренне устойчивому социальному состоянию такого общественного устройства, в

котором коллективизм сильных и самодостаточных людей будет служить основой расцвета человеческой индивидуальности; взаимное согласие превратит конкуренцию в отношения соревнования и стимулирующего соперничества; вещная частная собственность, утратив превращенное смысло-жизненное содержание, уступит место личной собственности на внутриличностные, творческие и витальные ценности как органические, естественно-социальные и общественно значимые. Решающим, поворотным пунктом при этом в процессе диалектического снятия является революционная смена частной собственности на общественную, которая (смена) в виде «второй волны» утрачивает остроту, приобретая характер отдельных «точечных ударов» на всех уровнях социально-классового деления общества.

Прекариат: отверженные как новый революционный класс

Лестер Джереми

В последние годы доктор философии, нового столетия проблемы профессор университета бедности стали предметом Рединг (Великобритания) пристального внимания международной общественности и многих представителей научного сообщества. Фиксируется сохранение (а в некоторых регионах мира - не прекращающийся рост) бедности, причем не только относительной, но и абсолютной. Характерной чертой бедности XXI века стало перемещение беднейших слоев из сельской местности в города и образование там нового по своей социально-экономической и общественно-политической природе слоя, который я далее буду называть «отверженными» или «прекариатом» - социальным слоем, который находится в условиях абсолютно негарантированного существования. Он не имеет стабильного экономического и социального базиса для жизни, а в ряде случаев и правового статуса.

У представителей этого класса, как правило, нет жилья, нет возможностей для обучения, нет сколько-нибудь стабильной работы и заработка, нет социального обеспечения, во многих случаях нет даже гражданских прав. К этому слою можно отнести некоторую часть временно занятых, эмигрантов и т.п. лиц в развитых странах, но наиболее типичен он для 3-го мира, где к нему принадлежит до трети городского и значительная часть сельского населения. Это жители трущоб. Отверженные.

Если в посвященных проблемам бедности документах Мирового банка фиксировалась, как правило, экономическая сторона этой проблемы, то документы ООН, в том числе, акцентируют социально-демографические и экономико-географические аспекты. В частности, последние подчеркивают отмеченный выше факт формирования более чем миллиардного слоя бедных городских жителей.

Важно так же отметить, и ученые академического толка, в том числе, представители левых кругов, относятся к этому слою отверженных бедняков как к пассивному объекту мировых и локальных социально-экономических и политико-идеологических процессов (они, как правило, используют понятие «жители трущоб»). Этот вывод показался автору данного материала сомнительным, и он предпринял несколько долгосрочных поездок по странам Латинской Америки с целью изучения этого нового социального образования. Выводы этой работы оказались существенно иными, нежели отмеченный выше типичный взгляд на жителей трущоб как пассивный и достойный жалости объект.

Начнем с того, что жители беднейших районов Каракаса (так называемых «Барииос», расположенных на склонах гор, окружающих Каракас) имеют долгую историю формирования своих поселений. Все началось с того, что они более 50 лет назад захватили жилые многоквартирные дома, построенные для продажи среднему классу, но не заселявшиеся (вследствие дороговизны) в течение долгого времени.

После десятилетий борьбы правительство (напомним читателем, что тогда у власти в Венесуэле находились правые силы) было вынуждено де факто признать этот захват. В результате на месте кварталов, предназначенных для жизни 30-40 тысяч человек, сейчас проживает около 600 тысяч жителей. За пятьдесят лет они заполнили практически все возможное и невозможное пространство в этом районе, достроив огромное количество самых фантастических сооружений. Причем все это было сделано их собственными руками. Существенно, что в этих районах без всякой поддержки государства, благотворительных организаций буржуазии или среднего класса были построены не только места проживания (которые подчас сложно назвать домами), но и некоторое количество школ, клиник, создана простейшая инфраструктура (электроснабжение, теплоснабжение) и т.п.

Они так же сами обеспечили поддержание безопасности, относительной чистоты и т.п. И самое главное: они смогли на основе самообеспечения минимально решать проблемы занятости, создавая малые предприятия, кооперативы, развивая простейшие формы производства, торговли и сервиса.

Миф о неспособности беднейших слоев к самостоятельной социальной, экономической и т.п. организации и деятельности при непосредственном изучении предмета оказался именно мифом.

Еще более интересно то, что этот слой оказался и политически активным субъектом. Традиционно изменение политической системы в Венесуэле, связанное с победой на выборах президента республики Уго Чавеса, трактуется так, что эта фигура некоторым (как правило, всерьез не анализируется каким именно) образом пришла к власти и затем начала преобразования в пользу беднейших слоев населения. Тщательный анализ событий и диалоги с их непосредственными участниками показали, что причинно-следственная связь в случае с Венесуэлой (и Боливией) была обратной. Десятилетия борьбы беднейших слоев общества, названных нами выше прекариатом, причем не только в Каракасе, но и по всей стране, создали ситуацию, когда в Венесуэле изменилось соотношение общественно-политических сил и стала возможна победа кандидата, который сам вышел из низов

И еще один важнейший факт: когда президент Чавес был едва не свергнут во время военного переворота именно жители бариос, спустившись с холмов в центр Каракаса, защитили своего президента и едва ли не в решающей степени способствовали восстановлению его власти. Да и сейчас голоса беднейшей части населения Венесуэлы по-прежнему обеспечивают высокий рейтинг этого президента и его социально-ориентированной политики. Все это позволяет нам сделать важный вывод: не Чавес дал полномочия низам общества, а самоорганизация и продолжавшаяся десятилетия борьба обездоленных, отверженных слоев общества привела к власти Чавеса.

Существенно, что сложившееся еще до Чавеса и окрепшее за последние годы самоуправление в этих районах имеет, с одной стороны, очень простые, с другой — весьма эффективные формы непосредственного участия граждан в управлении. На общие собрания под открытым небом приходят (целыми семьями, с детьми) многие стоны, подчас тысячи человек, которые на протяжении многих часов в выходные дни открыто, демократично обсуждают проблемы развития своего района...

Более того, для жителей этих районов характерно неожиданное (на первый взгляд) стремление к участию в решении стратегических проблем страны. Поворот Чавеса к строительству социализма в Венесуэле, начавшийся несколько лет назад, произошел во многом под давлением именно органов коммунального самоуправления, которые серьезно, с приглашением экспертов, в том числе часто приезжающих в Венесуэлу крупных ученых Севера и Юга, обсуждают вопросы стратегии страны. И еще одна интересная «деталь»: для жителей этих районов характерно полное отсутствие расизма и национализма. Более того, они ориентированы на развитие интернационализма. Не менее поучителен и опыт Боливии. В этой стране автору удалось близко познакомиться с опытом возникновения и жизни поселения, которое можно переводя с испанского назвать El Alto

(Эль Альто) «На вершине». После кризиса 80-х годов бывшие шахтеры и крестьяне были вынуждены двинуться на заработки поближе к большому городу и стали селиться в поселении Эль Альто. В результате к настоящему времени там образовался целый город (очень-очень своеобразный) с населением более 900 тысяч человек.

Этот город, так же как и в Венесуэле, жители полностью построили сами, сделав там абсолютно все - от домов до школ - своими руками. Правительство страны и городские власти Ла-Паса (вплоть до победы Моралеса) не только не помогали этим людям, но и активно боролись против них, в том числе - вооруженными методами. Полиция и войска не раз атаковали этот город, пытаясь выгнать его жителей с формально не принадлежащей им земли. Многие активисты местного самоуправления погибли в этой борьбе... Однако поселение сформировалось и выросло в целый город, в котором снизу, самостоятельно была сформирована и развивается в настоящее время система местного самоуправления, решающая все основные вопросы его жизни. Коллективизм и взаимопомощь, солидарность — это не слова, а повседневная практика жизни в этом почти миллионном поселении, в чем автор не раз убеждался на собственном опыте. Как и в случае с Венесуэлой, в Боливии именно активность прекариата этой страны привела к власти Моралеса, который сейчас проводит политику поддержки беднейших слоев этой страны. «Отверженные» Боливии сыграли едва ли не решающую роль в существенном изменении политического строя этой страны, показав, что они являются активным и мощным социально-политическим уклоном.

Сделаем некоторые выводы.

Прекариат является не только некоторым социальным слоем, но и особым классом, который оказывается в новом веке мощной общественно-политической силой. Приход к власти Чавеса в Венесуэле и Моралеса в Боливии и дальнейшее давление на них со стороны прекариата обусловили все больший сдвиг влево этих президентов, переход их к курсу на строительство социализма. Все это обуславливает возможность и необходимость нового взгляда на проблемы социальной структуры современного мирового сообщества и исторической роли тех сил, которые раньше относили (а во многом и сейчас относят) к пассивному и реакционному кругу люмпенов, не способных на самостоятельные экономические, социальные и политические действия.

Газета «Голос коммуниста», №2'09.

Информационный отдел

О газете «Столица будущего»

В Харькове издается газета «Столица будущего» - инициатор и организатор проведения теоретических конференций по проблемам коммунистического движения. Материалы этих конференций публикуются на страницах этой газеты.

Товарищи, желающие принять участие в таких конференциях, могут обратиться по адресу:

61121, г. Харьков, а/я 10269, E-mail: redexis@mail.ru; адрес веб-сайта www.stbudg.ucoz.ru. Редактор - Карачевцев Ярослав Николаевич.

Бюллетень Товарищества материалистов-диалектиков

Адрес редакции:

75100, Украина, Херсонская обл. г. Цюрупинск,

ул. Советская, 15, Григорьев Николай Константинович.

Телефоны:

2-14-07 - по городу

0-242-2-14-07 - по области

0-055-42-2-14-07 - по Украине

8-10-380-55-42-2-14-07 - из России

моб. +380-66-83-16-708

8-10-38-066-83-16-708 - из России
E-mail: istinam@yandex.ru. tarasyuk@skifiya.ks.ua